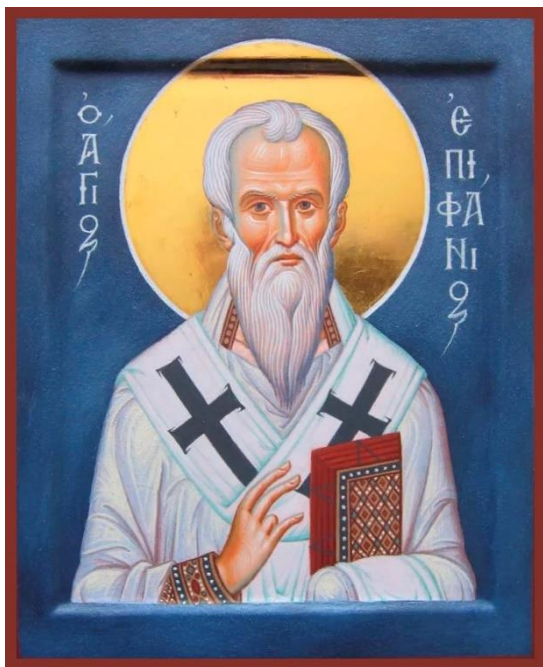

Память 25 мая (ст.стиль 12 мая)

Житие святого отца нашего Епифания, архиепископа Кипрского

Родиной святого Епифания, Еврея по происхождению, была Финикия¹: на берегу реки Елевферы, текущей с Ливанских гор в Финикийское море², в трех поприщах³ от горда Nikei, находилось селение Висандук; здесь и жили, занимаясь земледелием, родители святого Епифания; кроме сына у них была еще, меньшая его по возрасту, дочь Каллитропия. Когда мальчику было десять лет, отец его умер, оставив жене тяжелую заботу о воспитании детей: у осиротевшей семьи только что хватало на прокормление, а дети, между тем, были еще малы. Мать вынуждена была кормить их трудами своих рук. Так прошло несколько лет. Случилось, что у вдовицы оказался осёл очень упрямый и буйный. И вот однажды мать сказала Епифанию:

- Сын мой, возьми осла, отведи его в город на рынок, продай там и купи нам пищи.

- Ты знаешь, - отвечал Епифаний матери, - что

осел буйный, и когда на торгу покупатели заметят это, то станут меня бить.

- Иди, сын мой, Бог же отцов наших да укротит осла», сказала ему мать. Тогда отрок, повинуясь приказанию матери, повел осла для продажи в город. Здесь первым его покупателем явился тоже еврей. Узнав в продавце своего единоплеменника, он сказал ему:

- Сын мой, мы с тобой веруем в одного любящего правду Бога, и нам не следует обижать друг друга, чтобы не прогневать Бога нашего и потом не сетовать друг на друга. Итак, оценим осла справедливо.

Епифаний на это отвечал:

- Не желал бы продать тебе этого осла, так как он еще необучен, а кроме того упрям и буйен; только из-за голода и не имея на что купить пищи, моя мать решила его продать. Но вот я слышу от тебя, что грешно причинять зло ближнему ради приобретения, и боюсь, как бы не покарал меня Бог.

Изумленной рассудительностью и добронравием отрока, Еврей дал ему три пенязя⁴ со словами:

- Сын мой, возьми это, купи матери хлеба и возвратись с ослом в свой дом, и если осёл укротится, то держите его при себе; в противном же случае выгоньте его, чтобы он не убил кого-нибудь.

Епифаний направился домой и на пути около своего селения встретил христианина Клеовия, пожелавшего купить осла. Но честный отрок отказывался его продать. Во время их беседы осёл заупрямился и начал с фырчаньем брыкаться, а, затем, сбросивши с себя Епифания, побежал с дороги. Упавший отрок так разбился, что не мог встать и лежал, горько плача: у него сильно болело ушибленное бедро. Клеовий, подошедши к нему, ощупал бедро и перекрестил его трижды. Тотчас же Епифаний выздоровел и встал. Затем, Клеовий обратился к ослу и сказал:

- Именем Господа нашего, распятого Иисуса Христа, повелеваю тебе остановиться, и за то, что ты хотел убить своего господина, сам не сойдешь с этого места.

Тотчас осел упал и издох. Удивленной происшедшим, отрок спросил Клеовия:

- Кто такой, отче, распятой Иисус Христос, что Его именем совершаются такие чудеса?

- Сын Божий, Которого распяли Иудеи, – отвечал Клеовий. Епифаний побоялся открыть ему свое еврейское происхождение и отправился домой с думою о Христе распятом и с желанием верить в Него. Пришедши к своей матери, он рассказал ей о всем случившемся. Между тем последняя, не имея чем питаться с детьми, продала свою ниву, а Епифанию велела идти в город учиться какому-либо ремеслу, чтобы впоследствии он мог кормить и себя и ее с сестрою. При самом отправлении Епифания в город, пришел из города в Висандуку богатый еврейский законоучитель Трифон, хорошо знавший его родителей и владевший некоторыми имениями в их селе. Узнавши, что Епифаниева мать овдовела, и, видя ее в нищете, он сказал ей:

- Дай мне твоего сына, - я усыновлю его; и если ты согласна, то пусть отселе он почитается моим сыном, а ты и дочь твоя питайтесь от моего дома.

Вдова с величайшей радостью отдала своего сына на воспитание неожиданному благодетелю. И жил Епифаний как сын в Трифоновом доме, будучи обучаем еврейским книгам. Быстрая восприимчивость и редкостная сообразительность добронравного воспитанника сделали его любимцем воспитателя. Трифон хотел даже выдать за него замуж свою единственную дочь. Но по Божьей воле она умерла. Вскоре умерли и ее родители, а также и мать Епифания. Оставшись единственным наследником всего Трифопова имения, Епифаний взял к себе на воспитание сестру Каллитропию, внушая ей добрые заветы своего названного отца и учителя.

Однажды Епифаний отправился в родное село посмотреть оставшееся ему после Трифона имение. По Божьему промыслу ему встретился на пути монах Лукиан, писавший книги и продававший их для пропитания себя и нищих. Как раз во время встречи Епифания с иноком за ноги Лукиана ухватился нищий со словами:

- Смилуйся надо мной, человек Божий: вот уже три дня я не ел хлеба, и теперь не знаю чем подкрепиться.

Блаженной Лукиан, не имея в руках ничего, снял с себя одежду и отдал ее нищему, говоря:

- Пойди в город, продай эту одежду и купи себе хлеба». Видевший это Епифаний удивлялся такому милосердию встречного монаха и, придя как бы в восторженное состояние, заметил сияющую белую одежду, сходящую на инок и покрывающую его. В ужасе он быстро слез с коня и, упавши на колена пред иноком, сказал, кланяясь ему:

- Молю тебя, скажи мне, кто ты?

- Ты сперва поведай мне, какой ты веры, и потом я расскажу тебе о себе, – отвечал Лукиан. Епифаний сказал:

- Я - еврей.

Тогда его собеседник - прозорливой старец, заметивши на встречном Еврее действие спасительной благодати Божией, обратился к нему с следующими словами:

- Как ты, будучи евреем, спрашиваешь меня - христианина: кто я? Ибо очень мало общего между евреями и христианами. Вот ты узнал, что я - христианин, и тебе не следует более продолжать речь со мною.

- А что, отче, препятствует мне быть христианином? - спросил Епифаний и получил от Христова последователя такой ответ:

- То одно препятствует, что не хочешь, так как всякое доброе дело предваряет изволение. Если бы ты действительно желал, то был бы христианином.

Умилили эти слова Епифания: оставив первоначальное намерение посетить свою землю в родном селе, он вернулся в городской дом, предварительно умоливши пойти с ним и своего собеседника. Приведя его к себе, он показал ему всё свое достояние.

- Вот мое имущество, отче, - говорил хозяин гостю, - хочу быть христианином и принять иночество, но имею юную сестру, что ты о ней мне скажешь?

- Чадо, - отвечал христианин, - ты можешь быть действительно христианином, имея и земное богатство и сестру. И то и другое не противоречат святой христианской вере.

Иночество же ты не можешь принять. Прежде всего прими вместе с сестрой святое крещение. Потом выдай замуж ее с достаточным приданым за христианина. Затем, раздай оставшееся у тебя нищим. И тогда можешь быть истинным иноком.

- Всё это, отче, - говорил Епифаний - по заповеди твоей исполню на самом деле; только не медли с причислением нас к обществу христиан.

- Об этом следует, - сказал Лукиан, - известить епископа: без него нельзя совершить таинство крещения. Итак я пойду к нему. Ты же пребудь в неизменном намерении и усердии ко Христу Богу нашему. А возвращусь к тебе я скоро.

Лукиан пошел к местному епископу. Епифаний же, пришедши в комнату к сестре, сказал ей:

- Хочу быть христианином и облечься в иноческий чин.

- Чего ты хочешь, - ответила брату сестра, - того и я, и что ты сделаешь, то и я сделаю.

Услыхав о желании Епифания креститься, епископ сильно обрадовался и сказал доброму вестнику:

- Иди, научи юношу и сестру его святой вере и наставь в законе Христовом. Когда же придет воскресной день и мы войдем в церковь, тогда приведи их к милосердному человеколюбцу Богу, чтобы нам присоединить их к Нему святым крещением.

При возвращении Лукиана к Епифанию, последний и сестра его поклонились до земли старцу, прося его со слезами:

- Молим тебя, отче, сделай нас скорее христианами.

Лукиан, подняв их, начал учить христианскому благочестию: обучение, сопровождаемое молитвою, продолжалось до воскресного дня почти непрерывно и днем и ночью. В воскресенье же Лукиан привел Епифания и Каллитропию к епископу. Павши пред епископом ниц, как пред Самим Христом, они просили у него святого просвещения. Поднявши их и приветливо побеседовав с ними, он огласил их. Затем епископ пошел в церковь, имея позади себя Лукиана, за которым следовали ново-оглашенные. При вступлении Епифания на первую ступень церковного входа спал с его левой ноги сандалий⁵. Когда же он босой ногой ступил на порог, то сандалий спал и с его правой ноги. Епифаний не воротился за сандалиями, но вошел босым в церковь: со столь великим усердием шел он к Богу. Взглянув в церкви на Епифания, епископ увидал на главе его венец, а лицо его прославленным. И ввели епископ и Лукиан Епифания с сестрой в купель и крестили их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Восприемником Епифания был Лукиан, а восприемницей Каллитропии святая дева Вероника. На божественной литургии новокрещенные причастились Христовых Тайн. Затем они по повелению епископа обедали с ним, и пребыли при епископии восемь дней. Потом Епифаний привел сестру, Лукиана и Веронику в свой дом: здесь, взявши тысячу златиц, он вручил их и свою сестру Веронике, как начальнице Христовых дев инокинь, и отпустил обеих женщин. Наконец, раздавши после продажи всего имение деньги нуждающимся и оставивши себе только 400 златиц для покупки божественных книг, новокрещенный вышел из города с Лукианом в устроенной старцем монастырь. В нем подвизались десять монахов, усердно занимавшихся писанием книг и этим содержавших себя.

Двадцатилетний Епифаний принял иночество и был отдан под руководство первому по Лукиане иноку Илариону, хотя юному летами, но совершенному в добродетелях и украшенному великими дарами чудотворения. Присматриваясь к своему наставнику, новоиннок начал подражать его постническим трудам. Он не только учился, по поручению Лукиана, у Илариона читать и писать греческие книги, но обучался у него и подвижнически-богоугодной жизни в иночестве. При содействии Христовой благодати Епифаний преуспевал от силы в силу. Его руководитель по смерти преподобного Лукиана сделался игуменом и стал вести еще более строгую жизнь. Казалось, что это не человек, а один из Ангелов, всегда служащих Богу. На трапезе Илариона было немного хлеба с умеренным количеством соли и воды. Да и это вкушал он или чрез день, или чрез два, или чрез три, а иногда не ел и всю неделю. Епифаний, видя такое постничество, стремился

подражать ему, и потом во всю свою жизнь держался постнического устава, принятого от великого постника Илариона. Господь наградил Своего угодника даром чудотворения. Начало его чудес было такое. Монастырь окружала безводная местность, и братия ходили за водой за 5 поприщ и то ночью, вследствие невыносимого солнечного жара днем. Случилось однажды в чрезмерно знойной день каким-то проходившим мимо странникам зайти в монастырь, чтобы утолить страшную жажду. Но иноки не могли этого сделать, так как в монастыре тогда не нашлось ни одной капли воды. Путники ожидали уже своей смерти. Епифаний, жалая их, простёр руку к находившемуся у них сосуду с вином, и, коснувшись его, сказал братии:

- Веруйте, братия, что Претворивший некогда воду в вино, силен претворить ныне вино в воду (Иоан.2:1-11).

И тотчас по слову Епифания вино претворилось в воду. Обрадованные путники не только напились сами, но напоили и свой скот. После чего вода снова сделалась вином. Все невольно удивились чуду и с этого времени начали особенно уважать Епифания за святость его жизни. Он же, не вынося почитания братии, вышел тайно из монастыря и укрывался в пустыне Спандрион, питаясь растущими здесь злаками.

Чрез несколько времени сорок сарацын⁶, ходивших по той пустыни, увидевши Епифания в монашеском одеянии, начали насмехаться над ним. Среди разбойников один был кривой, наиболее притом отличавшийся зверством и бесчеловечностью. Выхватив свой меч, он хотел ударить Епифания.

Но лишь только разбойник занес руку для удара, как его глаз прозрел. В удивлении он бросил меч на землю, указывая товарищам на свой исцелевший глаз. Очевидцы такого чуда насильно взяли с собой Епифания, говоря:

- Ты - наш бог, ходи с нами и защищай нас от случающихся с нами бед.

Три месяца ходил святой с ними. Удерживая их от всех злых дел и не допуская им производить на своих глазах что-либо бесчинное, он всё это время поучал их познанию истинного Бога, вселяя в них спасительной страх Божий.

- Если вы не оставите своих злых дел, - говорил он им, - то не будете благоденствовать на земле и погибнете от карающего правосудного гнева Господа.

Однако, кроткий монах не мог долго быть руководителем дерзких разбойников. Непрестанные наставления и обуздывания Ангела во плоти через три месяца стали совершенно невыносимыми для демонов в человеческом образе. И если при встрече с чудотворцем - иноком они упрашивали его ходить с ними, то теперь, напротив, умоляли святого удалиться от них на прежнее место. Отведя его туда, они устроили ему хижину. Потом простились с ним за исключением одного, уверовавшего во Христа и сделавшегося достойным учеником преподобного. Полтора года христолюбивой учитель учил раскаявшегося разбойника Божественным книгам и наставлял в постнической жизни. Затем, наставник пошел с своим учеником в монастырь святого Илариона и просил его окрестить новооглашенного. Великий игумен совершил над ним это таинство, назвавши его Иоанном. Иоанн не отлучался от своего учителя и описал его жизнь до самой своей смерти, последовавшей прежде кончины преподобного.

На возвратном пути из монастыря в пустынную келлию святому Епифанию и его новокрещенному ученику Иоанну встретился бесноватый юноша, скитавшийся нагим по пустыне. Сжалившись над ним, святой после молитвы к Господу Богу изгнал из него беса. Демон, покинув свою бывшую жертву, вопил:

- О Епифаний, ты меня выгоняешь из моего места, в котором я жил двадцать два года, а я повлеку тебя в Персию, где ты против своего желания предстанешь царю.

С этим бес исчез. Юноша же совершенно выздоровел и, припадая к ногам своего исцелителя, благодарил его. Научив исцеленного воздавать благодарение Богу, святой отпустил его домой. Между тем изгнанный бес, пришедши в Персию⁷, вошел в царскую дочь и начал сильно ее мучить. При этом он кричал:

- Если сюда не придет Епифаний, не покину этой отроковицы. Епифаний, родом финикийнин, приди сюда, и я выйду из царской дочери.

Царь, услышав о финикийской стране, послал туда своих слуг разыскать Епифания. Они же, расспрашивая о нем во всех городах и селах Финикии, ничего не могли узнать и едва не были убиты туземцами, принявшими их за соглядатаев. После их возвращения ни с чем к царю диавол, бывший в отроковице, продолжал громко кричать:

- Епифаний живет в пустыне, называемой Спанидрион, приведите его сюда».

Тогда царь, призвав тридцать приближенных мужей, сказал им:

- Скинув с себя персидские одежды и надевши греческие, идите в Финикию и ищите пустынного места, называемого Спанидрион. Там найдете некоторого человека по имени Епифаний. Взявши его с собой, приведите ко мне.

Переменивши одежды посланные отправились и достигли названной пустыни. Долго искали они здесь Епифания. Наконец, по указанию одного человека, они пришли ночью к его келлии, когда святой по обычаю совершал с своим учеником ночные молитвы. Они сильно стучались к нему в дверь. Но Христов подвижник, не желая прерывать своего молитвенного правила, стоял на молитве, нисколько не испугавшись стука и как бы не замечая его. Придя в страшный гнев, Персы, наконец, решили взломать келейные двери. Один из них поднял оружие для удара им в двери. И вдруг поднятая рука его одеревенела и высохла. Остальные от испуга невольно отошли на некоторое расстояние от келлии и стали дожидаться наступления дня. С рассветом Епифаний, уже совершивший свои ночные и утренние молитвы, открыл двери и вышел. Увидав преподобного, пострадавший пал ниц пред ним и говорил:

- Помилуй меня, раб бессмертного Бога.

- Чего ты просишь от грешного человека? - спросил смиренной угодник Божий.

- Здоровым пришел на это место, - отвечал тот, - и вот высохла моя рука.

- Как пришел ты здоровым, - сказал преподобной, - так и будь здоровым.

С этими словами он прикоснулся к иссохшей руке, и тотчас она стала здоровой, как и другая. Увидевши такое чудо, товарищи исцеленного приблизились к святому и, поклонившись, открыли ему цель своего прихода: они молили его идти к царю, чтобы исцелить его дочь. Преподобной же, уразумев, что изгнанной им из юноши дух вошел в дочь царя Персидского, вооружился против беса молитвой и с надеждой на Бога отправился с учеником на верблюдах персидских мужей. Чрез тридцать пять дней путники достигли Персии и остановились в городе Урионе. Трое же из персов пошли к царю возвестить о прибытии Епифания. Царь тотчас же приказал представить его себе. Преподобной пришел к нему, как к простому человеку, а не как к царю. Земной владыка приветствовал верного слугу Царя Небесного, поднявшись с своего престола. Святой беседовал с ним об истинном Боге Христе Спасителе нашем, о Его непобедимой силе, изгоняющей всякий демонский род. После беседы к чудотворцу приведена была бесноватая царская дочь. Помолившись о страждущей Богу, святой трижды сотворил над ней крестное знамение. Едва успел он его совершить, как бес вышел из отроковицы, сделавшейся после того совершенно здоровой. Обрадованный исцелением своей дочери, царь поклонился преподобному.

Один из персидских волхвов⁸, видевший чудо, воззвал к преподобному:

- О возлюбленный волхв, пришедший сюда для исправления нашего учения, пребывай здесь с нами, и учи нас, и все мы, персидские волхвы, будем тебя слушать.

В ответ на слова волхва святой грозно взглянул на него и с гневом сказал ему:

- О враг истины! да заградятся лживые уста твои, называющие меня, раба Господа моего Иисуса Христа, волхвом.

И тотчас волхв онемел. Все невольно ужаснулись. Онемевший же припал к ногам раба Бога Вышнего и поклонами просил его разрешить язык. По достаточном наставлении милостивый праведник исцелил наказанного.

- Согрешил я против тебя, раб Божий, - взывал исцеленный, - прости меня.

Между тем, благодарный царь велел принести чудному исцелителю в дар множество золота, серебра и драгоценных камней. Нестыжательной инок ничего не взял себе.

- Не требуем, - говорил он царю, - этих временных богатств, надеясь в будущей жизни на лучшие вечные, обещанные нам Господом нашим Христом. Ты же оставь свое при себе; ты любишь стяжание, и губишь из-за них свою душу, так как, будучи златолюбцем, ты похищаешь чужое, а нуждающимся не даешь.

Отказался он и от приглашения царя обедать с ним.

- Мне достаточно одного хлеба из отрубей и немного соли для укрепления моего немощного тела, - сказал в ответ на царский зов великий постник. Когда же царь, несмотря на отказ святого, велел отвести его с Иоанном в особую комнату к столу, уставленному дорогими яствами, то строгий подвижник ничего не отведал, кроме хлеба.

Десять дней провел истинной последователь Христов во дворце, поучая царя святой христианской вере. Но семена христианской проповеди падали на окаменелое сердце и ослепленный зловерием ум. При последнем свидании с неверующим царем святой Епифаний произнес пред ним поучение о праведных судах, о милосердии, о волхвах, как бесовских слугах и о недозволительности воевать ему с христианскими царями:

- Если пойдешь на них войной, то Самому Христу распятому будешь врагом и погибнешь ужасным образом, - заключил свою проповедь праведник, провожаемой из царских палат самим государем. По выходе из них служитель Живого Бога увидел относимого на погребение мертвеца. Велевши несущим его остановиться, святой Епифаний, воззревши на небо сказал:

- Сын Божий, воздвигнувший Лазаря четверодневного из мертвых (Иоан.11:39-44), восставь и сего мертвеца во славу пресвятого Твоего имени.

Помолившись, святой Епифаний прикоснулся к мёртвому, и он тотчас ожил. Окружающие пришли в ужас и приняли чудотворца за какого-либо из богов. Смиренный же инок, назвав себя рабом Божиим, проповедывал им об истинном Боге, в Троице Святой славимом. Так как его слушатели были не из овец Христовых, то он поспешил в свою страну. Царь хотел было послать с ним охранное войско до пределов Персии. Но неустрашимой воин Христов отказался.

- Имею охраняющего меня Бога, - говорил он царю, - и Его воинов - святых Ангелов.

Тогда царь, простившись с пустынником, отпустил его со словами:

- Иди с миром, Епифаний, слава греков, вспоминай же и о нас, находящихся в Персии.

И пошел богохранимый святой к своей пустынной келлии, созданной для него Сарацынами. Придя в нее, он опять предался безмолвию.

Кругом селения на большое расстояние не было воды. Угодник Божий, усердно помолившись Господу Богу, произвел из сухой земли источник воды, как некогда Моисей от камня в пустыне (Числ.20:11). Затем отшельник при помощи своего ученика развел небольшой сад, посадил в нем съедобные злаки и поливал их из чудесного источника. Но приходившие в сад звери поедали их. Увидавши однажды в саду этих неприятных посетителей, преподобный обратился к ним, как бы к людям, с такою речью:

- Не делайте вреда убогому и грешному человеку, поселившемуся здесь оплакивать свои грехи: я и так немного имею этих злаков, данных мне от Бога для моего прокормления.

И звери, как бы понимающие, со стыдом ушли и более не причиняли ущерба святому. По всей Финикии разносилась слава о святом подвижнике Спанидрийской пустыни. Она снова привела к нему Сарацын, пожелавших принять от него благословение и создавших еще три келлии для собравшихся вокруг него многочисленных учеников. Вскоре образовался здесь целый монастырь, насчитывающий 50 человек братий. Между ними был сын римского епарха⁹ Аэтий Каллист. Он принял иночество от Епифания по следующему поводу. Будучи бесноватым в отрочестве, он однажды увидел во сне Епифания, говорящего ему:

- Хочешь ли, Каллист, чтобы я отогнал от тебя нечистого духа?

- Кто ты, господин мой, могущий отогнать от меня лютого мучителя? - спросил явившегося отрок. Тот отвечал ему:

- Я Епифаний, живущий в Палестинской Финикии, в пустынном монастыре, называемом Спанидрион. Если я отгоню от тебя злого духа, то придешь ли ко мне и будешь ли жить со мною в моем монастыре?

- Господин, - сказал в ответ больной, - только выгони из меня мучителя, и я тотчас приду жить к тебе.

- Смотри, чадо, - предостерегал Каллиста Епифаний, - не преступи своего обещания.

Проснувшись, бесноватой почувствовал себя совершенно здоровым и рассказал родителям о своем чудесном исцелении. По истечении трех месяцев Каллист обратился к ним с такой просьбой.

- Пустите меня в Палестинскую Финикию отыскать господина Епифания, чтобы остаться у него, - боюсь как бы не возвратился ко мне мучитель-диавол.

Родители тотчас же отпустили своего сына к преподобному с рабами и со множеством золота и серебра. Пришедши к своему исцелителю, исцеленный принял от рук его иночество и отдал ему на монастырское строение принесенное с собой золото и серебро; своих же рабов отослал к родителям.

В то время по всей Палестине славился другой подвижник Христов - преподобной Иларион Великий¹⁰, имевший свою обитель в пустыне близ Гасского Маиума. Святой Епифаний однажды посетил его с своим учеником Иоанном. Настоятель с братией любезно приняли гостей и удержали их у себя на несколько дней. В это время диавол, принявши образ Епифания, пошел в его монастырь, как бы возвращаясь от Илариона Великого. Преобразившегося беса увидел один неосторожный и нерадивый брат, вышедший без нужды из монастыря. Приняв его за действительного Епифания, он поклонился ему, и тотчас же бес, вошедши в него, стал его мучить. Братия, увидевши беснующегося, недоумевали, как случился этот недуг с здоровым доселе иноком, и скорбели о нем. Что было непонятно для находившихся с ним собратий, то провидел своим духом их отлучившийся прозорливый настоятель.

- Отче, - говорил тогда Епифаний Илариону, - волк влез в мое стадо и смутил моих овец: иду изгнать его.

Сказав это, он простился с великим старцем и братией. Возвратившись с поспешностью в монастырь, он одним своим присутствием заставил диавола войти из жертвы его обмана. Исцеленный поведал ему, как сделался он бесноватым. Святой же учил после его рассказа братию хранить себя от диавольских козней.

Не далеко от Епифаниева монастыря жил при пути, пролегавшем чрез пустыню, свирепый лев, погубивший многих прохожих, так что путники ходили не иначе как весьма большими толпами. Собравшись однажды, они пришли в монастырь к преподобному и сообщили о кровожадности зверя, многих умертвившего. Выслушав их, преподобной сказал им:

- Пойдемте, чада, во имя Господне и посмотрим на того льва.

И пошли все. При приближении к львиному логовищу, на всех напал страх, и все хотели бежать назад. Но святой сказал:

- Покажите мне его место.

Ему показали, стоя вдали. Тогда преподобной пошел к зверю, вызывая:

- Где жилище львиное?

Тотчас лев, услышав человеческий голос, выскочил из своего логовища; но, увидавши лицо святого, пал мертвым. Стоявшие же вдалеке, заметив вышедшего льва, со страху побежали и ожидали, что он растерзает Епифания. Угодник же Божий громким голосом кричал им:

- Не бойтесь, чада: придите и посмотрите на труп зверя». Они после долгих колебаний отважились прийти к святому и, увидавши лежащего у его ног мертвого льва, весьма удивились, прославляя Бога.

Вместе с даром чудотворения и многими иными Господь наградил Своего верного раба великим даром знания и истолкования Божественного Писания. Читая его братьям, он ясно и для всех понятно разъяснял его. Об его начитанности и высоком уме услышал один греческий философ. Пришедши из Едессы¹¹ в монастырь к святому, философ препирался с ним на основании книг эллинских мудрецов: он восхвалял греческое многобожие, а Епифаний доказывал учением Священного Писания истинность христианской веры во Единого Бога, в Троице Святой славимого. Целый год пробыл греческий ученый в монастыре христианского мудреца, споря с ним и присматриваясь к равноангельской жизни святого и его учеников. Видя к тому же и совершаемые Епифанием чудеса, философ мало-помалу приходил к познанию Христовой истины. Наконец следующее чудо особенно поразило его и окончательно обратило в христианство. 60 человек привели в монастырь бесноватого, связанного веригами¹². Преподобный сказал философу:

- Послушай, философ, препирающийся с грешным Епифанием: или ты изгони из этого человека лютого беса призвав своих богов, чтобы я уверовал в них; или я призову моего Бога, распятого Иисуса Христа и изгоню беса, и тогда ты обратишься к нашей христианской вере.

Философ молчал, не находя ответа. Тогда святой, призвавши имя Божие, запретил бесу и изгнал его из создания Божия. После этого чуда философ пал к ногам чудотворца, прося крещения и исповедуя Единого истинного Бога, Христа распятого. Преподобный послал новообращенного к Илариону, которой и окрестил его с именем Епифания. Новокрещенный принял затем монашество, был пресвитером и настоятелем иноков.

Ежедневно к преподобному из разных мест приходили во множестве братья и миряне. Чтобы избежать этих многочисленных и нежелательных нарушителей своего святого уединения, Епифаний решил удалиться в Египетскую страну. Отлично зная, что братья не отпустят его от себя, он, призвав их, сказал им:

- Хочу пойти навестить великого старца Илариона.

Братья же, понявши намерение своего наставника, с воплем пали ниц пред ним и молили его не покидать их. Старец обещался не уходить от них и остался в келлии. Но чрез 10 дней вместе с своим учеником Иоанном тайно вышел из монастыря и отправился в Иерусалим¹³. Поклонившись здесь Животворящему древу Креста Господня, он молился и у других Иерусалимских святынь. Затем, он пошел в Иоппию¹⁴, где была морская пристань, и сел на корабль, отплывающий в Александрию¹⁵. При входе в этот город его встретил еврейский законоучитель Аквила, пожелавший препираться с ним о вере на основании Священного Писания. Спор продолжался два дня. Наконец, еврей, побежденный христианином, пожелал креститься. Преподобный привел его к архиепископу Афанасию¹⁶. Святитель с радостью принял обоих: еврея как обратившегося ко Христу, а Епифания как наставившего на путь правый. Немного времени спустя Епифаний из Александрии пошел со своим учеником в Фиваиду¹⁷. Их встретил здесь бывший ученик Антония Великого¹⁸ Пафнутий.

- Благослови нас, отче, – сказал ему преподобный.

На это тот отвечал:

- Благословенны вы Господом.

По молитве они сели и беседовали: Епифаний расспрашивал его о жизни Антония, а он рассказывал ему про нее.

- Хочу, отче, – говорил он ему после этого рассказа, – жить в Нитрийской пустыни¹⁹.

- Иди, – ответил собеседник Епифания, – и насладись беседами со святыми отцами, живущими в Нитрии, и собери у них духовную пищу, которою ты будешь питать словесных овец на Кипрском острове²⁰.

Слова Пафнутия были пророчеством о будущем епископстве Епифания на острове Кипре. Сотворивши молитву, собеседники простились и отправились каждый в свой путь. При приближении к городу Леонитополю Епифаний услышал, что вблизи города находится монастырь, где живет монах Иеракс, – человек благочестивый на вид, он в действительности был еретиком, так как не православно учил о нашем теле. По его мнению оно не воскреснет,

а вместо него Бог даст в будущей жизни другое тело. Ибо написано: **«прах ты и в прах возвратишься»** (Быт. 3:19).

Он говорил также, что дети будут несовершенно в тот век. Епифаний еще в Палестине слышал о нем и желал его видеть. Точно также и Иеракс слышал о преподобном. Придя в этот монастырь, святой увидел множество народа, слушающего учение Иеракса: все считали его добродетельным, как великого постника, не вкушавшего масла и не пившего вина. Увидав двух странствующих иноков, Иеракс спросил их:

- Откуда вы?

- Из Палестины, - отвечали странники. Спросивши затем их имена, он опечалился: ему был неприятен Епифаний, славившийся в Египте своей святостью и мудростью. Не обращая больше никакого внимания на Епифания, он продолжал учить народ. Когда еретик дошел в своей проповеди до воскресения мёртвых и стал учить, что не воскреснут человеческие тела, то Епифаний, не вынося его заблуждения, обратился к нему с таким словом прещения.

- Да заградятся уста твои, - чтоб ты научился не хулить нашей надежды.

И тотчас заблуждающийся онемел и сделался неподвижен. Свидетели такого чуда пришли в сильной ужас. А чудотворец начал учить о воскресении мёртвых, уверяя, что они восстанут в том же, но лишь видоизмененном, теле, в каком жили в этом мире. Чрез несколько часов своей проповеди святой сказал наказанному:

- Научись истинной вере и учи ей других.

И немой вдруг заговорил, исповедуя свое заблуждение и обещаясь покаяться. Преподобной достаточно поучил его правой вере, а затем пошел в Верхнюю Фиваиду. В ней было одно пустынное место, называемое Вувулие. Поселившись в нем, святой, пробыл здесь семь лет. Но и эта пустыня не спасла его от посетителей. Среди них был туземный философ по имени Евдемон, пришедший препираться со святым о вере; философа сопровождал его сын, у которого один глаз был кривой. После долгого спора преподобной посмотревши на сына философа сказал последнему:

- Почему ты не печешься о своем сыне, чтоб избавить его от его телесного недостатка.

- Если бы во всей поднебесной, - отвечал со смехом спрошенный, - один только Евдемонов сын был одноокий, то вправду следовало бы мне заботиться о нем. Но так как многочисленны на земле одноокие, то пусть и он остается таким.

- Но если бы в действительности во всей поднебесной один только твой сын был кривой, а все другие люди на земле видели обоими глазами, тогда что ты делал бы для его исцеления? - продолжал спрашивать Евдемона Епифаний.

- Ничего другого, - сказал в ответ философ, - кроме того, что говорил бы с самим собой: нет во всем мире более несчастного человека, чем мой сын.

- Не принимай в шутку сказанного мной, - сказал святой, - но дай мне для исцеления своего сына и увидишь славу Божию», возразил святой. Взявши затем отрока, он трижды сотворил крестное знамение над глазом, и исцелил его. При виде такого чуда философ вместе с своим сыном уверовали во Христа. По достаточном научении правой вере Евдемон вместе со всем своим домом принял крещение от местного епископа.

Та же слава о святом Епифании, которая приводила к нему множество народа, породила в епископах Египта желание силою сделать преподобного святителем какого-либо местного города. Но святой духовно прозрел в намерение епископов и сказал своему ученику:

- Возвратимся, чадо, в наше отечество.

И пошли оба в Финикию. На пути они зашли в монастырь великого Илариона, но старца в нем не застали: многочисленные посетители этого монастыря побудили его удалиться в одно пустынное место, находившееся в пределах Кипрского города Пафа²¹. Братия, рыдавшие по оставившем их отце, увидевши у себя святого Епифания, утешились в печали: сорок дней утешал он их. Затем, отправился в свой монастырь Спанидрион, где все радовались его возвращению. В тот год был голод в Финикии по причине засухи. Узнавши

о возвращении великого чудотворца, множество народа пришло к нему в монастырь, усердно моля его испросить у Бога дождя, да даст земля плод свой.

- Что вы меня утруждаете, - сказал им преподобной, - я человек - грешный.

Но они долго и неустанно просили его. Наконец, святой, затворившись в своей келлии, стал на желанную молитву. И вдруг небо, доселе совершенно ясное, покрылось грозowymi тучами, из которых в течение трех дней лил сильный непрерывный дождь во всей Финикии. Тогда народ начал просить угодника Божие о прекращении дождя. По молитве святого он прекратился, и было в тот год великое изобилие плодов земных.

Чем более увеличивалась слава преподобного, привлекавшая к нему ежедневно несметные толпы посетителей, тем более помышлял он о том, чтобы опять уйти из Финикии. Его намерение перешло вскоре в решение. В Ликий²², месте крещение святого Епифания, умер епископ, и святители окрестных городов собрались для выбора нового епископа, при этом они вспомнили о святом Епифании. Среди присутствовавших на соборе находился молодой, но совершенный по жизни, целомудренный и добродетельный инок Полувий, знавший преподобного. Ему епископы приказали как можно скорей съездить на коне в монастырь Спанидрион и хорошенько тайком разузнать: в самом ли деле возвратился Епифаний из Египта и находится ли в своем монастыре.

- Никому не открывай поручение, даже самому Епифанию, - сказали отцы собора Полувию. Последний нашел святого в монастыре и приветствовал его.

- Зачем пришел сюда, сын мой? - спросил Полувия святой. Последний отвечал:

- Пришел посетить вашу святость.

- Ты, чадо, пришел, - возразил ему прозорливец, - соглядать мое ничтожество, здесь ли я. Не утаивай от меня приказанного тебе, ибо грех говорить ложь: скажи истину, потому что Бог посреди нас, - будь действительно служителем истины, а Епифаний грешный переходит от места на место, стесняя и страшась множества своих грехов. Но слушай, Полувий: останься здесь, а коня отошли к епископам. Пусть ищут они кого знают, как достойного мужа, для епископства; я же останусь для них неведом.

Полувий послушал ясновидца: отославши коня и слугу, он сам остался при преподобном. При наступлении же ночи Епифаний вместе с своим постоянным учеником Иоанном и новопришедшим Полувием вышел тайно для всех из монастыря. Сначала он посетил Иерусалим для поклонения Животворящему древу Креста Господня и прочим святыням в Иерусалиме и окрестностях. По тридневном пребывании в священном для христианина городе святой Епифаний сказал обоим своим ученикам:

- Я слышал, дети, что великий отец наш Иларион обитает ныне в Кипрской стране, недалеко от города Пафа; итак пойдем к нему и получим благословение от него.

Сказавши это, он пошел с ними в Кесарию Филиппову²³, находящуюся в Палестине, чтоб сесть там на корабль, отплывающий на остров Кипр. Приставши к Кипрскому берегу, он пошел в Пафскую пустыню к великому подвижнику Илариону. При встрече после долгой разлуки оба отшельника исполнились великой радости. Видя скорбь Илариона по поводу своих не многочисленных посетителей и его намерение переселиться в другое место, Епифаний через два месяца решил уйти от своего радушного хозяина. Прощаясь Иларион спросил своего гостя:

- Куда ты хочешь идти, Епифаний?

- Пойду в Аскалон и в Газу²⁴ и далее, пока найду где-нибудь в пустыни безмолвное место.

В ответ на это святой Епифаний услышал от прозорливца такой совет:

- Иди, чадо, в город Саламин²⁵, находящийся на острове Кипре. И будет тебе в этом городе доброе пребывание.

Епифаний не хотел и слышать этих пророческих слов, содержащих в себе предсказание на то, что он будет архиепископом в названном городе. Тогда святой предсказатель повторил ему свое пожелание, сказав:

- Говорю тебе, чадо, что тебе следует идти в тот город и жить в нем. Не прекословь, поэтому, мне, чтобы не постигло тебя бедствие на море.

Простившись с Иларионом, Епифаний с своими учениками пошел на морскую пристань. Там стояли два корабля: один, отплывающий в Аскалон, другой - в Саламин. Преподобной отплыл на первом. Через несколько часов неожиданно поднялась на море великая буря. Сильные волны готовы были каждую минуту разбить и потопить корабль в морской пучине. Все отчаивались в своей жизни. Трое суток продолжалось такое бедствие. Наконец, на четвертый день волны прибили корабль к городу Саламину. Выйдя из корабля, путешественники, изнемогши от продолжительного страха и сильного голода, легли на землю, как мёртвые. Потребовалась трехдневная остановка как для отдыха усталых пловцов, так и для починки поврежденного корабля. И только на четвертый день корабль был готов к отплытию. Думал продолжать морской путь и преподобный. Но Бот судил иначе.

Как раз в это время в городе происходило избрание архиепископа. Собравшиеся поэтому поводу епископы молились несколько дней Богу об указании им достойного для столь великого сана мужа. Между ними был прозорливой престарелой Киферский²⁶ святитель Паппий, пятьдесят лет епископствовавший и претерпевший много мучений за имя Христово вместе с Саламинийским епископом Геласием. Этому исповеднику Христову, почитаемому всеми Кипрскими епископами за отца, открыто было Богом, что в Саламин прибыл святой Епифаний, которого и повелено было поставить епископом города. Тогда было осеннее время и наступила пора уборки винограда.

- Пойдемте, дети, в город, - сказал Епифаний своим ученикам, - и купим себе гроздий в путь.

Когда они подошли на торгу к продавцу винограда, и Епифаний, взявши две больших кисти, спросил его:

- Что хочешь за них? - то вдруг с удивлением заметил подходящих к нему четырех епископов. Находившийся среди них и поддерживаемый 2-мя диаконами престарелый Паппий познал Духом Святым преподобного при своем взгляде на него и сказал ему:

- Авва Епифаний, оставь грозды и иди с нами во святую церковь.

Приглашенной же, вспомнив слова Давида: **«Возрадовался я, когда сказали мне: "пойдем в дом Господень"»** (Пс. 121:1), оставил виноград и пошел с епископами. При входе преподобного в церковь весь собор епископов приветствовал его словами:

- Бог тебя послал к нам, авва, да будешь архиепископом этого города и всего острова Кипра.

Святой же, называя себя грешным и недостойным, отказывался носить столь великий сан. Но епископы, не внимая его просьбам, начали возводить его последовательно по степеням священства. Хиротонисуемый же горько плакал, считая для себя неудобноносимым бремя святительства. Видя слезы скорбевшего ставленника, Паппий сказал ему:

- Подобаает нам, чадо, молчать о бывшем нам о тебе откровении, но так как я вижу тебя скорбящим и плачущим, то мне нужно объявить тебе то, что нам благоволил открыть Бог. Вот эти собравшиеся святые отцы епископы возложили на мое недостойнство избрание архиепископа, говоря мне грешному: «Помолись ты прилежно Богу, ибо мы веруем, что Бог укажет тебе мужа, достойного архиепископства». Я же, затворившись в своей опочивальне, молил о том Владыку Спаса, и вдруг меня осиял свет как молния, и я услышал голос, говорящий ко мне грешному: - Паппий, Паппий, слушай! - я же уstraшенный сказал: - что велишь, Господь мой? - и сказал мне тихо голос: - встань и иди на торг и увидишь там инока, покупающего виноградные грозды, подобного лицом и главой пророку Елисею и имеющего с собой двух учеников. Взявши его, посвятите во архиепископа; имя же тому инок Епифаний. - И вот я встав, сделал повеленное мне. Ты же, чадо, не противься Божию изволению, **«внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями»** (Деян. 20:28).

После речи Паппия Епифаний земно поклонился ему и, повинувшись Господней воле, принял посвящение во епископа. После чего возрадовавшиеся епископы разошлись восвояси. Новопоставленный же архипастырь начал пасти вверенное ему словесное Христово стадо на духовной пажити не только своим учительным словом, но и примером своей добродетельной жизни.

В начале архипастырской деятельности святого Епифанч один благородной римлянин по имени Евгномон из-за ста златиц долгу Саламинийскому гражданину Дракону был посажен в темницу. И не находилось избавителя для заключенного: так как он был вдалеке от отечества своего Рима²⁷, то никто не хотел поручиться за него. Услыхав об этом и сострадая должнику, святитель пошел к богатому и скупому язычнику Дракону просить его об освобождении от уз Евгномона. Святительская просьба привела в сильной гнев идолопоклонника.

- Пришелец в наш город! - злобно отвечал он, - если хочешь, чтобы я отпустил тебе должника, то поди принеси мне сто златиц.

Блаженной Епифаний дал ему из церковного золота сто златиц и таким образом избавил должника и от уз и от долга. По поводу розданного золота на святителя начал роптать гордый и злобный диакон Карин, возбудивший против святителя ропот и в других клириках.

- Видите ли сего пришельца, - говорил он им, - он хочет разграбить всё, находящееся в церкви, а мы будем виновны в расхищении церковного сокровища.

Карин, бывший богачом, искал через это повода согнать святого Епифания с архиепископского престола, чтоб сесть на него самому. Все клирики, предубежденные им против милостивого поступка архипастыря, говорили Епифанию:

- Недостаточна ли тебе, принятая тобой святительская честь? но ты еще и имение церковное расточаешь как странник и пришлец, пришедший сюда нищим и нагим. Итак, или отдай церкви сто златиц, или уходи отсюда, откуда ты пришел.

Святой терпел молча. Освобожденный же от уз, отправившись в Рим, продал всё свое имущество и возвратился к святителю со множеством золота. Вручив всё полученное от продажи в руки Епифания, он самого себя отдал на службу Богу и Его архиерею и жил при Епифании до самой своей смерти. Святитель же, взявши из принесенного ему золота 100 златиц, отдал Карину, говоря:

- Вот церковное золото, заимствованное на освобождение должника.

Карин взял его. Между тем прочее золото святой роздал нуждающимся. А Карин, созвав клириков, горделиво похвалялся пред ними.

- Вот, - говорил он им, - золото, расточенное Епифанием, которое я вытребовал от него.

Но клирики начали поносить Карина, вызвавшего их на грех ропота и оскорбление святителя и гневно приказали ему возвратить эти златицы святителю:

- Ибо святитель, - говорили они, - имеет власть расходовать церковное богатство на дела милосердие.

Много и других неприятностей причинял Карин угоднику Божию, но он всё переносил с кротостью.

Однажды, когда святитель у себя за обедом, на котором присутствовали все клирики, истолковывал некоторые тайны Священного Писания, к окну прилетел ворон и начал каркать. А Карин, смеясь над святительским поучением, сказал прочим клирикам:

- Кто из вас знает, что этот ворон, каркая, говорит?

Так как все внимательно слушали поучение, то никто не ответил на вопрос диакона.

И во второй и в третий раз спрашивал Карин:

- Кто бы был настолько смыслен, чтобы понимал воронову речь?

Но никто по прежнему не внимал его словам, продолжая слушать боговдохновенную беседу святого Епифания. Дерзкий диакон, наконец, спросил самого святителя:

- Если ты премудр, то скажи мне, о чем беседует этот ворон, и если скажешь, то обладай всем моим имением.

Святой же, взглянув на него, сказал:

- Знаю, что говорит ворон: он говорит, что отныне ты не будешь диаконствовать.

И тотчас от святительского слова нашел на Карина ужас и притом его охватила какая-то болезнь, так что он не мог более сидеть за столом и был уведен своими рабами домой. На другой день утром он умер. Все клирики пришли в великий страх и с того часа с боязнью покорялись и почитали Христова святителя Епифания. Богобоязненная же и бездетная вдова наказанного, принесла к епископу на церковь оставшееся после мужа имущество и посвятила себя на служение Богу; одна рука ее была в совершенном параличе, которой постиг ее десять лет назад; сотворивши крестное знамение над больной рукой вдовы, бессильной даже держать что-либо, святой Епифаний сделал ее вполне здоровой. Затем он поставил вдову диакониссой²⁸, как целомудренную и достойную церковного служения. Великий архиерей Божий святой Епифаний имел также благодать от Господа видеть во время приношения бескровной жертвы наитие Святого Духа на предложенные Святые Дары и обычно не оканчивал молитвы возношения, пока не устаивался созерцать нисшествие Святого Духа. Однажды произнося молитву возношения, литургисовавший архиерей не увидел знамение. Он повторил ее два раза с самого начала, но видение не было; тогда святой со слезами молил Бога указать причину столь скорбного явления. Взглянувши же на стоявшего налево рипидодержателя-диакона, он заметил, что лицо его черно, а лоб покрыт проказой²⁹. Взявши у него рипиду, святой кротко ему сказал:

- Чадо, не принимай ныне причастие Божественных Даров, но иди в свой дом.

По уходе его из алтаря преподобный увидел сошедшую на предложенные дары благодать Святого Духа. После литургии святитель, призвав к себе удаленного диакона, спросил, - нет ли у него на совести какого особенного греха. Диакон открыл, что в мимошедшую ночь соединялся со своей супругой. Тогда святой, созвав весь свой клир сказал:

- О чада, сподобившиеся алтарного служения, отрешите сапоги плотских страстей бессловесных, - не входите к божественному алтарю, связанные любосластными похотьми, послушайте святого Апостола, говорящего: **«имеющие жен должны быть, как не имеющие»** (1Кор. 7:29).

С того времени святитель Христов Епифаний поставлял во диаконы и пресвитеры только благочестивых иноков и беспорочных вдовцов, отнюдь не допуская женатых. И красовалась его Церковь, украшенная чистыми служителями, как прекрасная невеста.

До сих пор житие преподобного Епифания описано его учеником Иоанном, почившим в пресвитерском сане. Прочее же о жизни святителя написал уже другой его ученик - Полувий. Он начинает так.

- Слава Богу, дающему жизнь и прославляющему прославляющих Его, как прославил Он чудодейственной благодатью Своего угодника Епифания, чудесных дел которого и я частью сподобился быть описателем. Блаженный пресвитер Иоанн, ученик святого отца нашего Епифания, разболевшись к смерти, призвал меня к себе и сказал:

- Чадо Полувий!

- Что велишь мне, отче? - спросил я его. На это Иоанн ответил:

- Так как отец наш Епифаний возбраняет предавать письма чудеса, совершенные Богом чрез его святость, то возьми эти хартии, в которые я записывал тайно до сего дня всё, что видел совершенное им; пиши и ты, что отныне увидишь, ибо Бог говорит, что **«прибавится тебе лет жизни»** (Притч. 9:11), и ты пребудешь во всё время своей жизни при его святительстве. Я же отхожу в путь, в которой неизбежен всем земным. Смотри же не ленись писать, ибо я подвигнут Богом написать это... поди попроси отца придти ко мне», - добавил он потом.

Я пошел и призвал архиерея Божия. Придя к больному, он сказал:

- Обленился ты, Иоанн, молить Бога о грешном Епифании.

- Тебе, отче, - возразил болящий, - более прилично ныне сотворить молитву о мне, рабе твоём.

По святительской молитве над больным, он сказал святому:

- Подойди ко мне поближе, отче.

Святитель подошел.

- Положи, отче, руки твои на глаза мои и поцелуй меня последним целованием, ибо я уже отхожу, – произнес умирающий.

И как только возложил архиерей свои руки на его глаза и поцеловал его, он предал свой дух Господу. После горького плача по своему возлюбленному ученике учитель-епископ устроил ему почётные похороны.

После того преподобной возмел намерение создать новую церковь на месте прежней небольшой и очень ветхой. Он обратился к Богу за помощью и во время молитвы услышал голос свыше, обещающий помощь и повелевающий начинать без колебания задуманное им дело. Неложное слово Господа не замедлило исполниться. - У вышеупомянутого грека Дракона долго болел сын. Родитель, призывавший к сыну самых искусных врачей, не принес этим ему никакой пользы, и наконец сам разболелся. Святой, придя в его дом, исцелил молитвою сначала сына, а потом и отца. Тогда Дракон, уверовавши и крестившись со всем своим домом, дал на построение церкви пять тысяч златиц. И была создана во славу Божию большая каменная и прекрасная церковь.

У другого гражданина того же города, богатого язычника Синисия умер единственной тринадцатилетний сын Евсторгий: болезнь скорчила ему шею и таким образом удавила его. В доме греческого богача поднялся великий плач. Услышав его, сосед, христианин Ермий, сказал матери умершего:

- Госпожа, если бы сюда пришел великий Епифаний, то он воскресил бы вашего сына.

Она, поверивши словам своего соседа, просила его привести Епифания к ним. Ермий призвал в их дом архиерея Божия. При входе желанного гостя хозяйка припала к его ногам, говоря:

- Великий целebник Христов, яви твое врачебное искусство на нашем детище и восставь его из мертвых. Если ты это сделаешь, то тотчас со всем нашим домом приступим ко Христу твоему.

- Если веруешь Распятому, - сказал ей святитель, - увидишь твоего сына живым.

- Не иное что имею в моем уме, - отвечала она, - как только верить в Него: увижу ли свое дитя живым?

Тогда святой, подойдя к постели умершего, потер правой рукой его шею и со светлым взором, обращенным на него, тихо произнес:

- Евсторгий!

Отрок тотчас же открыл свои глаза и сел на постели. При таком величайшем чуде все, находившиеся в доме, с изумлением ужасались. А родитель воскресенного вместе с ним, с своей женой и всем своим домом, крестился во имя Христово и дал святому три тысячи златиц. Но чудотворец сказал ему:

- Я этого не требую, а отнеси строителям церкви.

И была благолепно украшена на золото Синисия новосозданная церковь, получившая в пресвитера к себе Полувия, ученика святого.

Однажды пришел на остров Кипр из Иерусалима некий диакон, поведавший святому об Иерусалимском епископе Иоанне, как о сребролюбце, презиравшем нищих. Иоанн был некогда сожителем Епифания в монастыре великого Илариона. Он написал своему знакомому увещательное письмо о милостивом обращении с нищими. Но сребролюбец не внял увещаниям угодника Божия. Чрез несколько лет Кипрский архиепископ сказал своему ученику Полувию:

- Пойдем, чадо, в Иерусалим поклониться Честному Кресту и Гробу Господню. И поклонившись возвратимся.

И отплыли они от Кипра в Кесарию Филиппову, а отсюда пошли в Иерусалим. После поклонения там святым местам они явились к епископу Иоанну, очень обрадовавшемуся свиданию с Епифанием. Кипрский святитель сказал ему:

- Дай мне, брат, помещение для покоев, так как я хочу задержаться здесь на некоторое время.

Иерусалимский епископ исполнил просьбу своего гостя. Давши ему прекрасный дом, он призывал его к себе ежедневно на трапезу. Приглашаемой, видя множество серебряных сосудов, приносимых с яствами и напитками, - с одной стороны, - и слыша с другой - ропот множества нищих на скупость Иоанна, помышлял как бы привести его к милосердию. И вот в один день он сказал своему богатому хозяину:

- Дай мне, отче Иоанне, на время эти серебряные сосуды: ко мне пришли из Кипра почётные мужи и я хочу их поместить у себя, чтобы похвалиться пред ними твоей любезностью и твоим серебром в твоём доме, данном мне для покоя. Это будет на славу тебе, ибо, возвратившись к себе, пришедшие мужи начнут рассказывать прочим почётным людям сколь великую проявляешь ты ко мне любовь и сколь велика слава, честь и богатство твоего дома. Итак, дай мне всё это серебро лишь на короткое время. Я же вскоре возвращу тебе его с благодарностью.

Иоанн принес ему множество различных серебряных сосудов. Тогда Епифаний спросил:

- Имеешь ли, отче, еще больше?

- Довольно с тебя, - отвечал корыстолюбивой славолубец, - и этого.

- Нет, - сказал Епифаний, - но дай всё, что имеешь драгоценнейшего и наилучшего, чтобы подивились гости и была величайшая тебе слава.

Иоанн принес ему лучшие сосуды, говоря:

- Всё, что угодно тебе, отче Епифаний, возьми.

Святой взял от него около 1500 литр³⁰ серебра, и отнес в свои покои. В то время прибыл по делам в Иерусалим из Рима торговец серебром по имени Астерий. Преподобный продал купцу за надлежащую цену данное ему местным епископом серебро. Купивши его, Астерий ушел к себе. Угодник же Божий днем и ночью раздавал нищим полученные от продажи деньги - до последней лепты. Через несколько дней Иоанн сказал Епифанию:

- Отдай мне, отче, серебро, которое я дал тебе.

- Потерпи, отче, - отвечал Кипрский архиепископ, - я отдам тебе всё: я еще раз хочу угостить у себя гостей.

По прошествии еще нескольких дней Иерусалимский епископ в церкви, где хранится спасительное древо Креста Господня, вновь напомнил преподобному о возвращении серебра.

- Отдай мне, - говорил он ему, - серебро, которое ты взял у меня.

- Я сказал тебе, отче, - отвечал тихо Епифаний, - отдам всё, только потерпи немного.

После такого ответа Иоанн, исполнившись ярости, схватил Епифания за одежду и, сжавши ее, с угрозою сказал:

- Не войдешь отсюда, не сядешь, не почиешь, пока не отдашь моего серебра. О злой и коварный человек! отдай мне, что взял, отдай церковное церкви.

Епифаний не возмущился поведением разгневавшегося. По прежнему он выглядел кротким. Тогда как возмущенный Иерусалимский епископ часа два досаждал преподобному. Все присутствовавшие в храме, слыша его жестокие слова, обращенные к угоднику Божию, изумились. А поругаемый, видя неукротимый гнев и ярость ругавшего, дунул на его лице, после чего он тотчас ослеп. Невольно устрешенной чудесным наказанием вместе со всеми предстоящими, Иоанн пал ниц перед святым, прося помолиться Богу о его прозрении.

- Иди поклонись честному древу Креста Господня, - отвечал на его просьбу угодник Божий, - и получишь прозрение.

Но наказанный не отступал от Епифания, не переставая просить его. Тогда великий святитель, отверзши свои богومудрые уста, долго поучал корыстолюбца о нищелюбии и милостыни. Потом по молитве и возложении на него своих рук отверз его правый глаз. Полуисцеленный просил чудотворца сделать зрячим и левое око. Но святой ответил ему:

- Не мое это дело, чадо, но Божие: так как Бог закрыл око, то Бог и откроет, чтобы ты вразумился.

После наказания Иоанн исправился, сделавшись и милостивым к нищим и праведным во всех делах.

При возвращении из Иерусалима в свою епископию Епифаний встретил двух скоморохов, хотевших насмеяться над ним следующим образом. Увидавши издали святого, один из них притворился мёртвым. Другой же при приближении святого сказал ему:

- Отче, посети мёртвого и покрой какой-нибудь одеждой его нагое тело.

Святой же, посмотрев на притворившегося, стал лицом к востоку для совершения молитвы об усопшем. Помолвившись, он снял с себя одежду и, покрыв ею мертвеца, пошел своей дорогой.

По его уходе живой сказал мнимому мертвому:

- Вставай, брат, этот простец уже ушел.

Но последний не отвечал. Окликнув его вторично и толкнув, он нашел его умершим действительно. Полный ужаса скоморох побежал вслед за архиереем Божиим. Догнавши великого чудотворца, он припал к его ногам, прося прощения в своем грехе и моля снять свою одежду и оковы смерти с наказанного им.

- Иди, чадо, - отвечал святой, - погреби мертвеца твоего: ибо он умер прежде, нежели ты начал просить у меня одежды для его прикрытия.

По прибытии Кипрского епископа в свой кафедральный город за ним пришли посланные из Рима с просьбой исцелить от некоторой продолжительной и неизлечимой болезни Проклисию - дочь царя Феодосия Великого³¹ и сестру Аркадия и Гонория³², выданную замуж за одного именитого патриция. Весть о прибытии посланцев от царя дошла до местного почётного и очень богатого язычника Фавстиниана, который питал сильную вражду ко святому Епифанию. Фавстиниан пригласил их к себе в дом и ежедневно угощал их. За все время пребывания их у него он почти непрестанно хулил святого.

- Зачем вы веруете как Богу, этому оболъстителю, - говорил он им, - зачем внимаете его суетным словам? Он ничего не говорит, кроме ложных слов и привержен очень дурным обычаям.

Но вот случилось, что на одной церковной постройке оказались вместе святой Епифаний, сопровождаемый Римлянами, и Фавстиниан. На их глазах, когда они стояли в строящейся церкви, один споткнувшийся плотник, падая с верха на землю, ударил своими ногами врага преподобного. К удивлению всех упавший нисколько не пострадал и тотчас же поднялся; ушибленной же Фавстиниан пал мёртвым. Епифаний, подошедши к нему и взявши его за руку, произнес:

- Встань, чадо, во имя Господне и иди здоровым в свой дом.

И тотчас мертвец ожил, встал и пошел домой. Фавстинианова же жена, узнав о смерти и неожиданном оживлении своего мужа, принесла его исцелителю 1000 златиц.

- Дай это не мне, - сказал ей преподобной, - но на церковное строение и будешь иметь сокровище на небе.

Затем, угодник Божий пошел в Рим. Здесь он по молитве и крестном знамении исцелил Проклисию, воскресил ее новорожденного сына, крестил его и обоих царских сыновей Гонория и Аркадия. Потом великий чудотворец был приглашен в Царьград самим царем Феодосием Великим, страдавшим неисцелимой и нестерпимой болезнью ног. Святой Епифаний в один час крестным знамением исцелил его, за что и пользовался особенным расположением Феодосия.

В один год на острове Кипре был великий голод. Нищие и бедные во множестве гибли от него. Скупой же богач Фавстиниан при своих многочисленных житницах, наполненных пшеницей, ячменем и другим житом, продавал хлеб по очень дорогой цене.

- Доброй друг, - сказал ему однажды святой, - дай мне из твоих житниц пшеницу, чтобы напитать нищих, я же буду тебе должником.

- Моли твоего Иисуса, Которому веришь, - отвечал ему со злой усмешкой жестокосердой язычник, - чтобы он подал тебе пшеницу для пропитания твоих друзей-нищих.

Но сказанное в насмешку стало действительностью. Святой Епифаний имел благочестивой обычай каждую ночь посещать гробницу святых мучеников и здесь молить Бога о ниспослании того, в чем чувствовалась нужда; свою молитву святой Епифаний подкреплял просьбой святых мучеников о ходатайстве пред

Господом, и всегда получал просимое. И теперь по обычаю святой Епифаний ночью отправился в гробницу святых мучеников, где со слезами молил милосердного Бога о избавлении гибнущих от голода. Во время своей молитвы он услышал голос, говоривший ему:

- Епифаний! иди без боязни к Диевой³³ кумирнице и отверзутся пред тобой двери и ты найдешь внутри золото и серебро; взявши то, купи пшени, ячменя и другого жита у Фавстиниана и питай нищих.

Следует заметить, что эта кумирница, называвшаяся «Диева крепость» была заперта с тех пор, как христианские государи, овладевшие страной, затворили и запечатали царскою властью все кумирницы, чтобы более не совершались в них богомерзкие бесовские жертвы. Среди народа ходили слухи, державшиеся у язычников как твёрдая вера, что никто из людей не может подойти и коснуться помянутой кумирницы: такого человека ждала (будто бы) внезапная смерть здесь же на месте. И все далеко обходили кумирницу, тем более, что бесы пугали страхованиями людей и даже убивали тех христиан, над которыми имели, по попущению Божию, такую же власть, как и над поклонниками своими язычниками.

Послушный велению Божию святой Епифаний тотчас отправился к кумирнице, двери которой сейчас же пред ним открылись; здесь он нашел множество золота и серебра. На эти, чудесно приобретенные, богатства он начал покупать хлеб у Фавстиниана. Сребролюбивой богач с радостью продал святому Епифанию все находившиеся в доме запасы хлеба, которые чрез подавание милостивого епископа оказались в домах убогих и нищих. Так у голодных оказалась пища, а богатой дом Фавстиниана был ее лишен и в нем наступил голод. Постыдившись просить у преподобного пищи для своего дома, богач послал за нею своего приятеля Лонгина с золотом и с одиннадцатью кораблями в Калабрию³⁴. Но на обратном пути корабли, наполненные хлебом, неожиданно были разбиты в ста стадиях от города сильной бурей. Узнавши о своей беде, Фавстиниан в великой печали хулил Всевышнего и Его угодника.

- Посмотрите, - говорил он, - какие этот христианский волхв творит мне пакости: он не только на суше своим прельщением отнял от моего дома пищу, но и на море погубил мой хлеб, потопивши мои корабли чрез бесов.

Между тем волнуемое море выбрасывало на Саламинийский берег потопленные зерна. Их собирали нищие. Так сбылись слова псалма: **«Скимны бедствуют и терпят голод, а ищущие Господа не терпят нужды ни в каком благе»** (Пс. 33:11).

Почти умирая от голода, жена наказанного богача послала к святому золото с просьбой продать для ее дома хлеба, а преподобной отослал к ней обратно золото со словами:

- Теперь берите от меня безмездно, сколько вам нужно, и отдадите, когда наступит жатва.

Сам же богач озлобленной против святого подговорил злонравного диакона Руфина умертвить святителя, обещая ему за то способствовать своим богатством и связями в возведении его на архиерейский престол. Но Бог сохранил Своего угодника от козней нечестивца. Последний подготовил острой нож, которой и укрепил концом вверх в горнем архиерейском сиденье, стоящем в церкви; затем он закрыл сиденье обычным покрывалом: это он сделал в тех видах, чтобы святитель, севши в урочное время при богослужении на сиденье, получил смертельную колотую рану. Но вот настало время, когда архиерей по порядку богослужебного чина должен был воссесть на горнем месте; подойдя к последнему, святой Епифаний сказал диакону Руфину:

- Возьми, сын мой, покрывало с седалища.

Но Руфин не слушал, хотя святитель трижды повторил свое приказание. Тогда святой Епифаний сам снял покрывало, причем нож упал и вонзился острием в правую ногу диакона.

Поняв коварные замыслы диакона, святой Епифаний сказал:

- Оставь, сын мой, свои козни, чтобы тебе не прилучилось большее несчастье; теперь же выйди из храма, так как ты недостойн приобщаться Божиим Таин.

Диакон, пришедши домой, разболелся и на третий день умер. Фавстиниан же вскоре был обвинен пред царем в хуле на него и посажен им в цареградскую темницу. Любящий врагов своих, святитель хотел было ходатайствовать пред государем об освобождении заключенного. Но последний в раздражении запретил святому всякое ходатайство о нем. Святитель умолчал и спустя немного времени оплакал неожиданную смерть Фавстиниана в темнице. По смерти мужа, жена Фавстинианова отдала всё богатство в церковь и согласно своему желанию была поставлена святым во диакониссы.

Среди восьмидесяти иноков, находившихся в архиерейском доме святого Епифания, был диакон Савин, выдававшийся добродетельной жизнью, умом и искусством составлять красноречиво книги. Он между прочим описал жизнь святого Епифания; в своем повествовании он рассказывает о его молитвенных всенощных стояниях, коленопреклонениях и о чудесах. Во внимание к редкостным качествам этого иеродиакона, архипастырь поставил его судьей по духовным делам. Однажды на суд к нему явились: богатый, говоривший правду и бедный, дающий ложное показание. Судия, сострадая бедному, защищал его. Во время суда пришел тайно святитель и, спрятавшись в потаенном месте, вышел из него, как только услышал оправдание судьей неправедного бедняка.

- Чадо, - сказал архиепископ судье, - иди, пиши книги и обдумай слова Писания, чтобы научиться праведно судить, ибо написано: **«Не делайте неправды на суде; не будь лицеприятен к нищему и не угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего»** (Лев. 19:15).

С того времени святой Епифаний всегда сам судил всех приходящих к нему.

Имея великое попечение о своей пастве, он побеждал еретиков и словами и чудесами. Он сделал немым еретика-епископа Аэтия³⁵, умершего после того на шестой день, и многие его последователи при виде такого чуда перешли в православие, припадая к ногам чудотворца. Кроме того, ревнитель правой веры писал царю о всех непокаявшихся еретиках. Царь дал ему власть изгонять их из Кипра. Благодаря всему этому, словесное стадо доброго пастыря было безопасно от хищных волков.

Понесши много лет тяжелое бремя святительства и достигши глубокой старости, святой Епифаний приблизился к своей блаженной кончине. Не задолго до нее ему пришлось отправиться в Царьград по следующей причине. Евдоксия, супруга царя Аркадия, царствовавшего на востоке после своего отца Феодосия Великого, согласившись с Феофилом Александрийским патриархом³⁶ на изгнание цареградского патриарха Иоанна Златоустого³⁷, побудили Епифания своими лукавыми письмами придти в Константинополь на собор. Феофил клеветал в них на Иоанна, что он будто бы еретик, разделяющий воззрение Оригена³⁸. По своей простоте святой поверил им и отправился в Царьград. При его свидании с царем последний принял от него благословение и спросил его, сколько ему лет от рождения.

- Шестидесяти лет, - отвечал святой Епифаний, - принял я архиерейский сан, в архиерействе пробыл 55 лет и три месяца. Таким образом, - всего мне 115 лет и три месяца.

Царь почтил его честные седины и святолепное лицо. Царица же Евдоксия, призвавши святого к себе, сказала ему:

- Отче Епифаний, ты знаешь, что всё Римское царство в наших руках: и вот сегодня я дам тебе всю церковную власть, если ты послушаешь меня, и исцелишь скорбь сердца и сделаешь то, что я думаю.

- Говори, дочь моя, - отвечал святитель, - по силе нашей постараемся сделать то, что будет на спасение твоей души.

Тогда царица, думая преклонить святого на свой замысел лукавством, начала так говорить ему о святом Златоусте:

- Вот этот Иоанн сделался недостойным управлять Церковью и носить столь великий сан, так как восстал на царя и не воздаст подобающей нам чести. Кроме того, многие говорят о нем, что он издавна еретик. Для этого мы решили собрать собор и, извергнув его из сана, поставить вместо него другого, могущего добро устроить церковь, чтобы отныне наше царство было мирным.

Говоря это, царица дрожала от великого гнева.

- Нет нужды, - продолжала она, - утруждать многих отцов призывом их сюда на собор; но пусть твоя святость, отче, определит изгнать его из Церкви и поставить вместо него другого, кого укажет тебе Бог. Я же устрою, чтобы тебя слушали.

- Дочь моя, - отвечал ей святитель, - выслушай твоего отца без гнева! Если Иоанн, как вы говорите, еретик, и если он не покается в ереси, то недостоин будет патриаршего сана, и с ним поступим, как повелишь. Если же вы хотите его изгнать за ту только одну вину, что похулил тебя, то Епифаний не даст своего соизволения на это. Ибо царям подобает быть незлопамятным, но добрым, кротким и прощающим хулы на себя, так как и вы имеете над собой Царя на небесах и хотите от Него прощения вашим согрешениям. **«Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд»** (Лк.6:36).

После этих его слов еще более усилился гнев самолюбивой царицы. Вся в слезах от сильного раздражения, она гневно произнесла:

- Если ты учинишь препятствие к изгнанию Иоанна, то я открою идольские храмы и сделаю то, что многие, отступивши от Бога, начнут поклоняться идолам, и будет последнее хуже первого.

Епифаний, удивившись ее сильному гневу, сказал:

- Я чист от осуждения того.

Произнеся это, он вышел из царской палаты. В городе же всюду разносился слух о совещании Епифания с царицею по поводу извержения Иоанна и о соглашении его с ней. Этот слух дошел и до того, кого ближе всех касался. Константинопольский святитель тотчас же написал Епифанию следующее:

- Брат Епифаний, я слышал, что ты дал совет на мое изгнание; знай же, что ты более не увидишь своего престола.

Святой Епифаний на это ответил:

- Стратотерпче Иоанне, будучи обидим побеждай, но и ты не доедешь до того места, в которое тебя изгонят.

И сбылось пророчество обоих.

Видя желание несправедливо осудить святого Иоанна, святой Епифаний не захотел быть участником такого незаконного суда. Седши тайно со своими приближенными на корабль, он возвратился во-свояси. Во время плаванья по морю, чувствуя свое старческое изнеможение и предвидя свое наступающее отшествие к Богу, он так начал беседовать с своими учениками:

- Дети мои, соблюдайте мои заповеди, и любовь Божия пребудет с вами: вы знаете в скольких скорбях прошла моя жизнь, и я не вменял их в скорби, но всегда радовался в них по Боге, и Бог меня не оставил, но сохранял меня от всякой неприязненной напасти: **«любящим Бога все содействует ко благу»** (Рим.8:28). Однажды, мои возлюбленные, когда я жил в пустыне и молился ко Христу Богу об избавлении меня от козней сопротивного, внезапно по Божьему попущению приступило ко мне множество бесов; ударивши меня о землю и взявши за ноги, они влачили по земле; некоторые же из них били меня. Это они делали со мной десять дней, а потом исчезли. И с того часа я не видал их во всю свою жизнь. Только злые люди, еретики причиняли мне неприятности. Будьте внимательны, о чада мои, и послушайте слов Епифания грешного. Имений не желайте, и

много имений приложится вам. Не питайте ненависти ни к одному человеку, и будете возлюблены Богом. Не клеветайте на брата, и зависть диавольская не будет обладать вами. Бегайте, как ядовитых змей ересей, о которых я вам писал в книге Панарий³⁹. Отвращайтесь и сохраняйте себя от мирских похотей, которая и тело и ум разжигает. Знайте, что они сатанинское ухищрение, ибо если даже у неосторожных плоть и не поднимает брани, однако ум всё-таки мечтает о дурном. Если же наш ум трезв и помнит о Боге, тогда легко можем победить врага.

После этих и весьма многих других духовных увещаний своим ученикам, преподобной предсказал Полувию, что он вскоре будет епископом города Ринокирска, находящегося в Верхней Фиваиде. Каравельщикам же предсказал об очень скорой буре, при чем велел не ужасаться, а надеяться на Бога. Одному же из них сказал:

- Не искушай, чтобы не быть искушенным.

Всё это святой говорил в 11 часов дня. По захождении же солнца поднялась великая буря, продолжавшаяся двое суток и приведшая всех пловцов в великий страх. Святой же на предсмертном одре молился Богу о сохранении корабля и всех, находящихся в нем. А на третий день он повелел своим ученикам возжечь уголья, положить на них фимиам и помолиться Богу. Помолившись потом и сам, он всех их обнял, поцеловал и сказал такие последние слова:

- Спасайтесь чада, ибо Епифаний больше не будет с вами в этой жизни.

По произнесении их, он предал свой дух в руки Божии⁴⁰. Его смерть соединила скорбь с радостью. Горько оплакивающие умершего его ученики и корабельщики были обрадованы внезапным и совершенным прекращением бури на море. При этом тот корабельщик, которому святой сказал: не искушай, да не искушен будешь, по своему любопытству пожелал узнать, обрезан ли Епифаний или нет. Когда он начал обнажать честное тело святого, то умерший чудотворец, поднявши свою правую ногу, столь сильно ударил ею в лице любопытного, что он далеко упал от тела и умер. Всех объял страх, а товарищи-корабельщики, жалея наказанного, положили его при ногах Епифания. Лишь только его тело коснулось их, как умерший корабельщик ожил. И был еще больший ужас на всех. Приплывши в Саламин, ученики святого возвестили в городе о его преставлении. И тотчас отовсюду стекалось множество народа с плачем и рыданиями. Взявши честное тело своего отца, внесли его осиротевшие дети в созданную им церковь. У гроба святого совершалось множество чудес над болящими всеми недугами. Между прочим получили прозрение три слепца. На десятой день со всего острова сошлись святители, священники, игумены и бесчисленное множество народа и с честью погребли честные останки святого Епифания в той же церкви, вспоминая труды, чудеса и богодухновенное учение преставившегося архипастыря и славя в Троице Единого Бога, Ему же слава во веки. Аминь.

Кондак, глас 4:

Священноначальник чудную двоицу восхвалим вернии по долгу, с Германом Божественного Епифания: сии бо попалиша безбожных языки, догматы премудрешыя возложше всем, православно поющим присно благочестия великое таинство.

1 Финикия - страна по берегу Средиземного моря к северо-западу от Палестины; жители ее славились как мореплаватели и торговцы.

2 Т. е. Средиземное.

3 Поприще равнялось приблизительно 690 сажням.

4 Пенязь - шестая часть драхмы.

5 Сандалии - вид обуви. Они состояли из кожаной или тростниковой подошвы, прикрепленной к ноге ремнем.

6 Сарацины - жители Аравии. Первоначально этим именем называлось кочующее разбойническое племя, а потом христианские писатели перенесли это название и на всех мусульман вообще.

7 Персия занимает западную часть Иранской возвышенности.

8 Под именем волхвов в древности разумелись люди мудрые, обладавшие обширными знаниями, особенно знаниями о тайных силах природы, светилах небесных. Они наблюдали явления природы, толковали сны,

предсказывали будущее; большею частью они были вместе с тем и жрецами и пользовались большим уважением при дворах царских и в народе.

9 Эпарх - начальник области.

10 Здесь разумеется прп. Иларион Великий. Он родился в 291 г. близ Газы, в палестинской веси Тавифа. После обучения в александрийской школе и принятия христианства пробыл около 2 месяцев в пустыне у Антония Великого, а отсюда, желая подражать своему учителю, удалился в палестинские пустыни; здесь прп. Иларион основал множество монастырей. Из Палестины он путешествовал для посещения иноков в Египет, а также Сицилию, Далмацию и на остров Кипр. Скончался 80 лет в 371 г. или 372 г. на острове Кипре, где пробыл почти 6 лет; память его 21 октября в день его кончины. С Кипра мощи Илариона Великого перенесены его учеником в Палестину.

11 Эдесса, нынешняя Урфа, город на севере Месопотамии на реке Евфрате, с 137 года до Р. Хр. главный город вновь образованного Озроенского или Эдесского государства; в 217 г. по Р. Хр. превращена римлянами в восточную колонию. В Эдессе рано распространилось христианство; в IV в. св. Ефремом Сирийским здесь была основана богословская школа, в V веке склонившаяся к несторианству, в пользу которого особенно много действовал учитель Эдесской школы пресвитер Ива. В 641 г. Эдесса была покорена арабскими калифами; в 1098 г. ею овладел граф Балдуин, сделавший ее главным городом княжества Эдесского; в 1144 г. она покорена была турками и с этого времени переходила из рук в руки, пока в 1637 году окончательно не подпала под власть Турции.

12 Вериги - узы, цепи.

13 *Иерусалим*, с еврейского - жилище мира, древнейший и самый знаменитый город Палестины. Лежит у истоков потока Кедронского, недалеко от Иордана и Мёртвого моря, на склонах трёх отрогов Иудейских гор Акра, Сион и Мориа. Существование Иерусалима возводят ко временам Авраама, полагая, что он есть тот город Салют, где царем и первосвященником был Мелхиседек (Быт. 14:18). Город этот, известный как средоточие исторических событий избранного народа Еврейского в Ветхом и Новом Завете, неизмеримо дорог каждому христианину как место страданий и воскресения Господа Иисуса и колыбель христианской церкви, откуда слово благовестия разнеслось по всей вселенной.

14 Иоппия (теперешняя Яффа)-один из древнейших Азиатских городов на северо-западном берегу Средиземного моря. Она была иудейской гаванью еще в царствование Соломона.

15 Александрия - важный портовый город Египта, основанный Александром Великим в 332 г. до Р. Х. на мысе, выдающемся в южной берег Средиземного моря несколько южнее нынешнего города того же наименования; был некогда центром науки и первым торговым городом в мире; в начале IV века стал центром христианства и резиденцией патриарха.

16 Св. Афанасий Великий – 373 г.-известный противоарианский деятель, был Александрийским патриархом с 328 года. Его память совершается 2 мая.

17 Область знаменитого в древности города Фивы; этим же именем назывался вообще весь Верхний (южной) Египет по имени главного города. Находившаяся здесь пустыня была любимым местопребыванием восточных отшельников IV и V века.

18 Св. Антоний Великий, первый учредитель монашеского жития, родом египтянин, подвизался на восточном берегу реки Нила, около Фиваиды Там, нося власяницу, питаясь только травами и кореньями, он в постоянных трудах и молитве прожил 20 лет в неизвестности, поборая благодатью Божию духа соблазителя, тревожившего его искушениями и страхом. Наконец, святость жизни и чудеса привлекли к Антонию в пустыню многих подвижников; они поселились близ него и приняли за образец правила, данные Антонием, что и было началом монашеского жития. Преставился св. Антоний 105 лет, в 366 году. Память его 17 января.

19 Разумеются отшельники, жившие в Нитрийской пустыни, прилегавшей к горе Нитрийской, находящейся в северо-западной части Египта.

20 Остров Кипр лежит в северо-восточном конце Средиземного моря.

21 С именем Пафа или Пафоса в древности были два города на острове Кипре: *Старым*, на его западном берегу в 10 стадиях от моря и составлявший Финикийскую колонию *Новой* (теперешний Баффо) в 15 верстах к сз. от старого. От обоих городов сохранились развалины. В окрестностях же какого из них жил св. Епифаний неизвестно.

22 Ликия была, по всей вероятности, главным городом одноименной гористой области на южном берегу Малой Азии.

23 Кесария Филиппова или Панея - город на самом северо-востоке Палестины у источников Иордана. Она названа Филипповой по имени Иродова сына Филиппа, получившего ее себе в удел и в отличие от Кесарии Палестинской, лежащей на берегу Средиземного моря

24 Аскалон и Газа - одни из главных Филистимских городов на берегу Средиземного моря.

25 Саламин - самый большой и укрепленный из городов Кипра, лежал на его восточном берегу Он имел прекрасную гавань, вмещающую целый флот. Саламин начал падать при Траяне (98-117 гг.) во время восстания Евреев, уничтоживших его значительную часть. Бывшее затем землетрясение при Константине Великом (306-337гг.), совершенно его разрушило, уничтоживши почти всё население. Его восстановил Константин (337-361 гг.), дав ему свое имя «Констанция». Развалины его находятся близ Фамагуста.

26 Кифера или Китера, а также Цитера - главный город на южном берегу одноименного и самого южного Ионийского острова в Средиземном море.

27 Рим - главный город Италии, расположен по обоим берегам реки Тибра, при впадении ее в море.

28 Диаконисса - церковная служительница из вдов или пожилых девиц в древне-христианской Церкви. Служение диаконисс выражалось прежде всего в некоторых церковных обязанностях по отношению к женщинам. Таковы, например: приготовление женщин к крещению, обучение должным ответам на вопросы крещаемого, помощь епископу при совершении над ними этого таинства, помазание частей тела за исключением чела, научение надлежащему поведению по крещении, наблюдение за благочинным стоянием их в церкви и присутствие на беседах с ними епископов, пресвитеров и диаконов. Затем, на попечении диаконисс находились бедные и больные, нуждающиеся в благотворительности и уходе.

29 Проказа одна из самых заразительных, ужасных и, по большей части, смертельных болезней. Обычно различают три вида ее: белая, черная и красная или елфантиас. Самая заразительная последняя. Название эти соответствуют трем различным цветам ее пятен на теле, предвещающим появление на нем гнилых струпьев.

30 Литра - мера веса, равная 72 золотникам. Серебряная литра стоила до 42 руб., а золотая до 506 рублей.

31 Феодосий Великий царствовал с 389 г. до 395 г. на Востоке, а с 392 г. до 395 г. и на Западе Греко-Римской империи. Он нанес окончательный удар язычеству: сделавшись в 392 году единодержавным. Феодосий издал закон, по которому служение богам признавалось таким же преступлением, как и оскорбление величества.

32 Аркадий, восточно-римский император, сын Феодосия Великого, по смерти отца (395 г.) получил т. н. Восточную империю, тогда как брат его Гонорий получил Западную; родился в 377 г. ум. в 408. Во всё время его царствования государством управляли люди, умевшие подчинить своему влиянию слабохарактерного императора. Так, в начале его царствования государством управлял Руфин, увеличивший и без того огромную тяжесть налогов, умноживший число штрафов и тем наведший ужас на империю. По смерти Руфина его место занял евнух Евтропий, а когда императрица Евдоксия добилась его казни (399 г.), Аркадий всецело подчинился влиянию своей супруги, известной враждебным отношением к св. Иоанну Златоустому, бывшему тогда Константинопольским патриархом. При императоре Аркадии миссионеры, снабженные его грамотами, проповедывали христианство по тем местам провинций, где еще находились язычники.

Гонорий, брат Аркадия, был западно-римским императором. В начале его царствования во главе управления стоял умный политик и знаменитый полководец Стилихон, не раз отражавший нападения на империю вест-готов, вандалов, свевов, бургундов. После его падения и казни дела империи пошли к худшему. В 408 году предводитель вест-готов Аларих осадил Рим и заставил заплатить тяжелую дань, а в 410 году он овладел городом и отдал его на разграбление войскам. По смерти Алариха шурин его Атаульф заключил с Гонорием мир, после которого вест-готы удалились за Альпы. При Гонории в 411 г. был созван собор против раскольников донатистов, отделившихся от Церкви за то, что она принимала покаявшихся отступников во время гонений; потому что по их мнению Церковь перестаёт быть святою, если среди членов находятся грешники. По приказанию Гонория были разрушены все оставшиеся языческие храмы, а сами язычники были удалены от государственных должностей.

33 Диевой эта кумирница называлась от посвящения ее языческому богу Дио или что тоже - Зевсу.

34 Калабрия - древнее название острова Пороса в Сароническом заливе.

35 Аэтий или Аэций - антиохийский диакон ум. 370 г., после Ария стоял во главе ариан, отрицавших единосущие Сына Божие с Богом Отцом и открыто утверждавших потому неравенство Второго Лица Пресвятой Троицы с Первым.

36 Феофил занимал патриарший престол с 386 г. до 412 г

37 Великий отец Церкви св. Иоанн Златоуст родился в 347 г. в Антиохии. Получив лучшее, по тому времени, научное образование под руководством своей матери, выдающейся по уму и добродетельной жизни женщины, св. Иоанн закончил его в школе известного ритора Ливания; пробыв потом недолгое время адвокатом, Иоанн занялся изучением христианского богословия под руководством антиохийского епископа, св. Мелетия. Последний и крестил Иоанна; в 380 г. он возвел его в должность чтеца. Свое богословское образование Иоанн Златоуст завершил у Картерия, лучшего христианского ученого времени и у Диодора, впоследствии епископа Тарсийского. После этого Иоанн удалился в пустыню и здесь провел сначала четыре года в сообществе монахов, а потом два года в совершенном уединении. В пустыне Иоанном Златоустом, написано «слово о священстве», вызванное укорами его товарища - епископа Василия за бегство Златоуста от епископства. Это слово, лучшее произведение среди святоотеческих писаний, изображает каков должен быть христианский пастырь и каковы его обязанности. Расстроенное подвигами здоровье заставило Иоанна покинуть пустыню и возвратиться в Антиохию. В 381 г. он был посвящен в диакона и через пять лет во пресвитера. Побуждаемый милосердием Иоанн Златоуст часто посещал богатых, испрашивая подаяние для бедных, которым он, обходя дома, раздавал милостыню. При этом он сам наблюдал картины нищеты и голода в богатом городе, что, поражая любящую душу Златоуста, находило отклик в его проповедях, дышущих любовью, особенно к обиженным и угнетенным. Свои проповеди, собиравшие огромное число слушателей, св. Иоанн произносил не менее раза в неделю, а иногда и каждый день; большею частью он говорил их без предварительной подготовки, и настолько велика была сила его проповеднического дара, что слушатели нередко, по обычаю времени, прерывали поучение рукоплесканиями. Но часто увещание и обличение проповедника вызывали в них слёзы и стоны раскаяния. Лучшие проповеди, сказанные Златоустом в Антиохии, были те 19, которые он произнес после низвержения недовольными новым налогом антиохийцами находившихся на улице статуй императрицы Плациллы. Такое оскорбление величества угрожало городу полным истреблением, еп. Флавиан

отправился к императору ходатайствовать за город, и в его отсутствие смятенную паству утешал Златоустый проповедник. В 397 г. Иоанн, смиренный пресвитер Антиохийский, был избран архиеп. Константинополя, по указанию приближенного к императору вельможи Евтропия. Из боязни, что Антиохийцы не отпустят любимого священника, Иоанна Златоуста увезли из города обманом. Тяжелое бремя возложил на себя Иоанн с саном епископа Константинопольского. Чуждый и незнакомый двору и вельможам епископ, не устраивавший, как делали это его предшественники у себя пиров, и сам не ходивший на них, возбуждал против себя недовольство многих. Недовольно было и духовенство столичного города, распущенное и непривыкшее к должной дисциплине, которой подчинил его Златоуст. Большую часть денег, отпускаемых на его содержание, св. Иоанн издерживал на бедных, причем выстроил в Константинополе несколько больниц и богаделен. Любовь к бедным св. Златоуста побуждавшая его увещевать богатых к милостыни и ходатайствовать за них, возбудила в состоятельных слоях населения недовольство, св. архиепископа стали обвинять в возбуждении вражды в бедных против богатых. Вооружил св. Златоуст против себя и императрицу Евдоксию, которая в обличении Златоустом роскоши и суетности Константинопольских женщин увидела намёк на себя. Всё это повело к тому, что в 403 г. составлен был из личных врагов св. Златоуста собор, известной в истории под именем «собора под дубом», которой несправедливо осудил Златоуста (между прочим и за то, что он «не знает гостеприимства»), после чего он был отправлен в ссылку. Но последовавшее за этим народное возмущение и страшное землетрясение, в котором Евдоксия увидела выражение гнева Божия за гонение невинного архиепископа, заставили императрицу вернуть Златоустого. Но так как и по возвращении Иоанн не изменял своего образа жизни, обличая пороки двора и защищая бедных, то в 404 г. его постигла 2-я ссылка. Сначала он пробыл 2 года в Кукуз в Армении отсюда его отправили было в новое место ссылки, но по дороге он скончался (14 сент. 407 г.) со словами «слава Богу за всё!»

38 Ориген - знаменитый христианский учитель Александрийской Церкви 254 г.), - чудо своего века по громадности своего ума и глубине учености. Многие замечательнейшие из отцов Церкви с глубоким уважением относились к богословским трудам и заслугам Оригена; но впоследствии он, еще при своей жизни, на двух местных александрийских соборах и, по кончине, на местном Константинопольском соборе 543 г, был осужден как еретик. Не высказывая своих неправославных мнений, как непреложные истины, Ориген, тем не менее, неправо мыслил о многих истинах вероучения христианской Церкви, почему некоторые считали сомнительною твердость его в главнейших христианских догматах. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он неправо мыслил о Христе, полагая, что Бог создал определенное число духовных существ равного достоинства, способных уразумевать Божество и уподобляться Ему; один из этих сотворенных духов с такою пламенною любовью устремился к Божеству, что неразрывно соединился с Божественным Словом, или стал Его тварным носителем; это, по мнению Оригена, и есть та человеческая душа, посредством которой Бог-Слово мог воплотиться на земле, так как непосредственное воплощение Божества по его *ошибочному* мнению немислимо. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира и человека, Ориген в неправославном смысле понимал и смерть Христову, представляя ее чем-то повторяемым духовно в духовном мире и имеющим там действие на освобождение Ангелов и приписывая в деле спасения слишком много действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа. Неправо мыслил Ориген и в некоторых пунктах своего учения о воскресении и будущей жизни, напр. о том, что диавол может спастись, и в толковании Св. Писания слишком многое преувеличенно понимал в таинственном смысле, уничтожая через то исторический смысл Писания.

39 Его произведения Панарий (аптека, ящик с лекарствами) представляет из себя изложение и опровержение 20 дохристианских и 80 христианских ересей. Обличению ересей посвящено еще другое сочинение Епифания, озаглавленное —«Анкорат» - якорь, в котором раскрывается православное учение о Троице, воплощение, воскресении мертвых и будущей жизни, главным образом против еретиков ариан, полуариан, духоборцев и аполинаристов. Святому Епифанию принадлежат еще следующие произведения: а) «О камнях», объясняющие 12 камней на наперснике Иудейского первосвященника; б) «О 22 пророках Ветхого Завета и трех Нового Завета и о 12 апостолах и 70 учениках Христовых», здесь находится немало ценных устных церковно-исторических преданий; в) «Книга о весах и мерах (библейских)», содержащая кроме сведений о библейском измерении, некоторые указания о греческих переводах Библии; г) примечание к книге «Физиолог» (наблюдение над свойствами библейских животных) и д.) может быть 12 проповедей, подлинность которых оспаривается.

Творения св. Иоанна Златоуста еще в IV и V веках приобрели большую известность во всем христианском мире: они хранились, как драгоценность, в царских чертогах и писались золотыми буквами. До нашего времени многие из его творений не дошли, тем не менее от него сохранилось столько творений, сколько не осталось ни от одного отца и учителя Церкви. По греческому часослову всех творений Иоанна Златоуста, дошедших до нашего времени, насчитывается до 1447 и писем до 244. Больше всего сохранилось от Иоанна Златоуста проповедей и церковных бесед. Проповеди св. Иоанна поражают своего стройностью, глубиной мысли и разнообразием содержания. «Не говорю о других, - писал св. Исидор о Златоустом, - сам Ливаний, - столь известный по красноречию, изумлялся языку знаменитого Иоанна, изяществу его мыслей и силе доказательств». Лучшими из проповедей св. Иоанна Златоустого справедливо считаются беседы антиохийскому народу о статуях, слово о Евтропии, слово «за нищих», слово по удалении из столицы и по возвращении в столицу, похвальные слова Апостолу Павлу. В своих проповедях Златоустый учитель предлагал наставления почти о всех частных предметах деятельности христианской. Сверх того, во все

продолжение своего общественного служения он объяснял в беседах Священное Писание, преимущественно Нового Завета. Каждая из объяснительной беседы Златоуста состоит из двух частей: в одной он занимается объяснением текстов слова Божия, в другой предлагает нравственные наставление. Собственно догматических сочинений у святого Иоанна Златоуста немного и все они дышат заботливостью его о нравственном исправлении верующих. Среди последнего рода сочинений должно отметить книгу к Стагирию, где решается вопрос, почему страдание постигает и праведников, несмотря на существование Промысла Божия? Заслуживают также внимание 6 слов о непостижимом, сказанные в обличение еретиков аномеев, которые стремились на основании собственных умствований уяснить отношение Бога-Отца к Богу-Сыну и учили, что Сын Божий есть тварное существо и сотворен Отцом из ничего. Кроме того замечательна еще книга Иоанна Златоуста о Св. Духе по учению об исхождении Св. Духа от Отца. В сочинении против Иудеев и язычников доказывается Божественность учения христианского исполнением пророчеств и действиями христианского благовестия на сердца людей, а в 8 словах против Иудеев показывается, что обряды иудейские отменены, и потому совершать их теперь значит поступать вопреки воли Божией. Св. Иоанн Златоуст славен еще тем, что учредил особой чин литургии, которая и теперь носит его имя. Св. Прокл, ученик Златоустого и впоследствии один из его преемников по Константинопольской кафедре, так пишет об этом установлении святого: «св. Василий (Великий), поступая с людьми как с больными, представил литургию в сокращенном виде. Спустя немного времени, отец наш, златой по языку Иоанн, с одной стороны как доброй пастырь, ревностно заботясь о спасении овец, с другой, взирая на слабость человеческой природы, решил исторгнуть с корнем всякий предлог сатанинский. Потому он, опустив многое, учредил совершение литургии сокращеннейшее» Сокращенная Иоанном литургия первоначально не имела всех песнопений, какие она имеет теперь, но они не изменили существенного порядка литургии. Вообще, Епифаний был очень ученым мужем, знавшем, по свидетельству Иеронима, Еврейский, Сирийский, Греческий и Латинский языки и «превосходнейшим по своему знанию пастырем». Седьмой Вселенский Собор называет его не только отцем Церкви, но и ее учителем.

403 Святой умер, в апреле 403 года, а погребен 12 мая.

Житие святого отца нашего Германа, архиепископа Константинопольского

Святой Герман родился в городе Константинополе. Отец его Иустин, почтенной саном патриция, был одним из первейших сенаторов, превосходивший прочих славою и честью; его по зависти лишил жизни Константин Погонат¹, когда вступил на греческий престол. По убийстве этого знатного сенатора, Константин повелел оскотить сына его, тогда еще отрока, блаженного Германа, и отдать в клир церковный. Это он сделал для того, чтобы Герман, возмужав и достигнув в миру известного чина и сенаторского звания, не мог чем-либо отомстить дому Погоната за убийство своего отца. Зачисленный таким образом в духовное звание, блаженный Герман жил как Ангел Божий: далекий от пристрастия к миру и мирской суеты, он весь ум свой обращал к Богу, имея всегда на устах хвалу Господу, прилежно занимаясь и днем и ночью изучением Божественных книг. Отсюда он познал

глубину премудрости и почерпнул жизненную воду богодухновенных учений, которыми и напоял Церковь Христову в сане пастыря и учителя. Когда святой Герман достиг совершенных лет, то как муж своею добродетельною жизнью сияющий подобно светильнику, был сначала рукоположен в епископа Кизического города². Здесь он боролся с монофелитской ересью³ вместе со святейшим патриархом Киром⁴, с которым и подвергся изгнанию от неверного царя Филиппа⁵. По смерти же гонителя, вскоре бесславно погибшего и по кончине патриарха Кира, умершего в изгнании, по низложении псевдопатриарха, еретика Иоанна, в царствование Артемия, нареченного Анастасием

Вторым, к радости народа был возведен на Цареградский престол святой Герман. Он был муж достойной, к тому же исполненной Божией благодати, которая открывалась в том, что он провидел будущее и пророчески предсказывал о нем. Так, когда он торжественно входил в храм святой Софии в первый раз своего служения, к нему, окруженному народом, желавшим видеть новоизбранного патриарха, приблизилась одна беременная женщина именем Анна и сказала:

- Благослови, отче, зачатое в моем чреве». Патриарх взглянул на нее и, внутренними очами провидя будущее, сказал:

- Да благословит тебя Господь молитвами святого первомученика.

Этими словами он предсказал, что родится дитя мужского пола, соименный святому первомученику Стефану. При этом свое пророчество он подтвердил чудом. Когда Герман говорил, из уст его вместе со словами исходил огненный пламень, которой видела женщина, о чем впоследствии уверяла всех с клятвой, что побудило ее твердо уверовать в пророчество святого. И действительно, Анна родила дитя мужского пола, которое и назвала Стефаном по пророчеству святейшего патриарха Германа. Этот Стефан, возмужав, облекся в иноческий образ и благочестно подвизался на Авксентиевой горе, а впоследствии явился исповедником за имя Христово, мученически пострадав за святые иконы от злочестивого царя Константина Копронима⁶. О сем Копрониме, сыне греческого императора Льва Исаврянина⁷, было также пророчество святого Германа, что он будет лютым гонителем и мучителем правоверных. Во время своего крещения, которое совершал святейший патриарх Герман, Константин осквернил святую купель естественным гноем. Тогда святой Герман сказал о крещаемом:

- Это дитя, когда возмужает, принесет большое зло христианам и всей Церкви: церковную святыню осквернит еретичеством и прольет много крови благоверных рабов Христовых.

Константин впоследствии был прозван Копронимом, что значит «навозный»⁸. Пророчество святого Германа сбылось в точности: Копроним многих замучил за поклонение честным иконам, между которыми был и вышеупомянутый Стефан.

Иконоборческая ересь началась в царствование Льва Исаврянина, отца Копронима. Лев Исаврянин, погрязший в этой ереси, старался ее как можно более укрепить и распространить в своем народе. Он разослал во все провинции своего государства злочестивое повеление, чтобы повсюду выбрасывали из храмов святые иконы, попирали их ногами и сжигали, ибо он почитал святые иконы за идолов, а поклоняющихся им- за идолопоклонников.

Святой патриарх Герман мужественно противился царю - еретику. Он неоднократно посылал к царю из клира благоразумных и честных мужей, а также и сам приходил и уговаривал его, чтобы он оставил свой злой умысел; но увещание святого Германа не имели никакого успеха.

Однажды патриарх сказал царю:

- Я слышал пророчество одного святого мужа, что некогда настанет гонение на святые иконы от зловерных, но да не будет оно во время твоего царствование.

- В какое же время и в чье царствование оно наступит,- спросил внимательно император.

- Царь, по имени Конон,- сказал святой Герман,- воздвигнет гонение на святые иконы.

- Мое имя и есть Конон,- отвечал Лев Исаврянин. - Оно дано мне при крещении, Львом - же я прозван уже впоследствии.

Посему пророчество вполне должно исполниться во дни моего царствования».

- Нет, государь, - возразил царю святой Герман, - да не будет этого, да не совершится таковое зло в твое царствование, ибо желающий произвести эту злобу есть антихрист, враг божественного воплощения. Вспомни при этом, царь, и то, что ты пред вступлением на царский престол дал клятву соблюдать непорочно святую веру, ничего не уничтожая из преданий святых Апостолов и богодухновенных отцов и не принося ничего нового, противного христианской вере.

Царь, слыша таковые слова святейшего патриарха, то чувствовал стыд, то приходил в ярость, стараясь найти такое обвинение против патриарха, чтобы удалить его с престола не как исповедника истины, а как крамольника. Сообщника своему злему намерению он нашел в лице одного пресвитера Анастасия, ученика Германа. Этому Анастасию, по нраву подобному Иуде, царь обещал патриарший престол по изгнании Германа, а он в свою очередь за это обещал помогать царю в утверждении ереси и уничтожении святых икон. Поэтому Анастасий сделался ярким врагом святого Германа, пытаясь, даже прежде изгнания святого Германа, захватить патриарший престол. Святой Герман, провидя духом его злое намерение и его будущую участь, предсказал Анастасию о его судьбе при следующих обстоятельствах.

Однажды патриарх Герман входил в царскую палату. Анастасий, с гордостью следовавший за ним, наступил сзади на край его одежды. "Не спеши, - сказал тогда Герман Анастасию, - придет время, когда тебя, окруженного толпою народа, с криками поведут в диппин"⁹.

Однако в то время ни Анастасий, ни другие слышавшие, не обратили внимание на эти слова святого Германа и вспомнили уже впоследствии, когда сказанное сбылось, о чем будет речь ниже.

Святой Герман, как доброй воин Христов, безбоязненно и мужественно боролся с еретиками мечом слова Божия. Он послал одного из лучших церковно-служителей к царю с такими словами:

- Не подобает тебе, царь, бесчинно возвышаться пред Богом, Создателем твоим, давшим тебе жизнь и царствование, и не имеешь ты права, как говорится, подвигать неподвижное; не прилично тебе преступать пределы, установленные в древнее время святыми отцами. Ведь человеческим образом, воспринятым Богом Словом от Пречистой и Пресвятой Девы, было истреблено служение бесам и уничтожено идолопоклонство. Изображение красками на доске подобие человеческого образа Христова и неизреченно Родившие Его, а также изображение святых угодников Божиих предано нам почитать уже 725 лет тому назад, когда Господь наш во образе человека явился на землю. По вознесении Господа жена, исцелившаяся от кровотечения чрез прикосновение к краю одежды (Мрк.5:25-34) Его в благодарность за сие сделала изображение Спасителя. Но и прежде этого Сам Господь изобразил божественный Лик Свой на убрусе (платке) и отослал его в Едес к Авгарю. Святой Евангелист Лука написал образ Пречистой Девы Богородицы. Поэтому божественные соборы, бывшие в различные времена и в различных местах, повелели не истреблять, но почитать святыне иконы. Итак, знай царь, если ты поможешь утвердить этот иконоборческий догмат, я первый пойду против него. Я готов пролить кровь за образ Христа моего, Который пролил Свою кровь, чтобы обновить падший образ моей души. Ясно, что бесчестие, наносимое образу Христову, относится и к Первообразу, т. е. к Самому Христу, равно как и честь возносимая пред образом. Поэтому нам, верным рабам Христовым подобает и умереть за почитание Господа нашего».

В другое время сам святой Герман так говорил царю:

- Если я Иона, бросьте меня в море, ибо я без Вселенского собора не имею права ничего нового узаконять касательно вероучения.

Когда же святой патриарх увидел, что он ничего не может сделать, чтобы отвратить царя от ереси, тогда положил свой омофор в божественном алтаре, на святом престоле, и оставил свой сан. Царь, сильно разгневавшись на святого Германа за его дерзновенные слова, послал, точно на брань, вооруженных воинов, которые подвергли святого побоям, и с бесчестием изгнали его из патриаршего дома. Святой Герман удалился тогда в монастырь, где провел между иноками остальные дни своей жизни в безмолвии, и с миром почил о Господе. Он был патриархом 14 лет и 6 месяцев¹⁰.

По изгнании святейшего патриарха Германа, на его место царь возвел упомянутого выше епископа Анастасия¹¹, которой за одно с царем выбрасывал из церкви святые иконы

и утверждал иконоборческую ересь. Пророчество святого Германа относительно его исполнилось следующим образом.

Когда умер злочестивый Лев Исаврянин, на царство его вступил сын его Константин Копроним, которого свергнул с престола Артавасд, зять Льва. В этом помогал Артавасду патриарх Анастасий, он же и венчал Артавасда и сына его Никифора на царство. По прошествии 3 лет Копроним собрал большое войско и взял Константинополь. Зять своего Артавасда и его сыновей, своих племянников, Константин ослепил, а приверженцев Артавасда многих вельмож погубил. Патриарха же Анастасия, Константин велел обнажить и бить пред всем народом на месте, называемом «диппин», а затем, посадив на осла лицом назад, водить с надруганием по городу. Так исполнилось пророчество святого Германа, предсказавшего Анастасию, что его при большом стечении народа поведут на диппин. Нечестивый царь Копроним хотел даже низложить Анастасия с патриаршего престола, но, не найдя другого, более ревностного в поругании святых икон кроме Анастасия, оставил последнего на патриаршем престоле, где он пребывал, как мерзость запустения на святом месте (Мф.24:15), 24 года. В конце жизни его постигла болезнь, именуемая «кордаспос», так что богомерзкие уста, хулившие святые иконы и своего учителя, были для него скверным проходом, чрез которой исходил естественный гной. От этой болезни Анастасий скончался.

Итак, Анастасий скончался ужасною смертью, а святой Герман вместе с святыми иерархами наследовал блаженную жизнь в Царствии Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

1 Константин Погонат правил с 668 г. по 686 г.

2 Кизик - город малоазийской области Фригии.

3 *Монофелитство* или единовольническая ересь возникла в начале 7-го века под влиянием стремления византийских правителей примирить с христианством широко распространившуюся *монофизитскую* ересь, учившую об *одной* Божественной природе в Господе Иисусе Христе, так как раздоры между православными и монофизитами были не только церковным, но и государственным бедствием. Монофизитские епископы, главным образом Кир, епископ Фазиса в Колхиде, подал императору Ираклию (611 г.- 641 г.) мысль, что соединение между ними и православными может состояться, если православная церковь признает во Христе Иисусе единую волю, единое действие. В 633 г. стараниями императора и Кира, назначенного патриархом Александрийским, удалось устроить единение между египетскими монофелитами и православными; к этому единению примкнули почти все восточные и греческие епископы с константинопольским патриархом Сергием во главе. Против подобного незаконного соглашения открыто выступил любимой ученик александрийского патриарха Иоанна Милостивого, монах Софроний, доказывая, что учение о единоволлии есть тоже монофизитство или признание во Христе Иисусе единой только (Божественной) природы, ибо если едина природа, то, естественно, едина и воля. Сделавшись в 634 г. патриархом Иерусалимским, он еще с большею ревностью защищал православие: он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство. Желая положить конец распрям, император Ираклий в 638 г. издал, составленное патриархом Сергием, «изложение веры» (эктесис), где содержалось православное учение о двух естествах во Христе Иисусе и запрещалось говорить о Его волях, хотя в тоже время добавлялось, что православная вера требует признания одной воли. После издания «изложения веры» горячим защитником православия выступил константинопольский монах Максим Исповедник (память его 21-го января), который с успехом действовал против монофелитов в северной Африке и Риме. Преемник Ираклия Констанс 2, желая уничтожить еще более возбудивший раздор эктесис в 648 г. издал "типос" - образец веры, где запрещалось говорить как об одной так и о двух волях, заставляя верить согласно бывшим пяти вселенским соборам. Но «типос» не положил конца спорам. Наконец император Константин Логотат созвал в Константинополе шестой (Трулльский) вселенский собор, на котором монофелитство было осуждено как ересь и определено, что во Христе Иисусе должно исповедывать два действия, две воли, причем человеческая подчиняется во всем воле Божеской, не уничтожаясь через это. - Остатки монофелитов сохранились до настоящего времени в виде маронитов. Сначала они нашли убежище (с 680 г.) на ливанских горах; во время крестовых походов (1182 г.) учение монофелитов проникло на Запад, в Европу, но благодаря деятельности пап не нашло многих последователей, хотя существовало до 1736 г., когда еврейские монофелиты присоединились к католической Церкви. На Востоке в Сирии оно существует до сих пор.

4 Св. Кир занимал патриарший престол в Константинополе с 705 г. по 711 г.; ум. в 714 г. в изгнании.

5 Филипп Бардин, византийский император (711-715 гг.).

6 Константин Копроним правил с 741 по 776 гг.

7 Лев Исавр правил с 716 по 741 гг.

8 Копроним от греческого "копрос" - навоз, кал.

9 Диппином в Царьграде называлось народное место, где обыкновенно устраивались различные зрелища.

10 Св. Герман умер в 740 г., 96-ти лет, погребен в монастыре Хоре, на северной стороне Царьграда. Св. Герман известен как церковный писатель: «писание его славятся по всей вселенной», свидетельствует о нем 7 вс. соб., внесший его в диптихи святых. Сочинение св. Германа разнообразны по своему составу. После него остались: объяснение наиболее трудных мест св. Писания, сочинение о праведном воздаянии за гробом; на 7 вс. соб. читались его три послания о почитании икон, осталось от него и «довольно много, - как говорит древний жизнеописатель св. Германа, - назидательных слов для благочестивых», слова на Введение во храм Богоматери, на Ее Успение, на Благовещение, на Обновление храма и положение пояса Пресвятой Богородицы. Важно по богатству исторических сведений сочинение о ересь со времени Апостолов и о церковных соборах по царствовании Льва Иконоборца. Много оставил св. Герман произведений, относящихся к Богослужению; из них особенно важно изъяснение на литургию; другие сочинения этого рода представляют собою гимны, составленные патриархом на похвалу святым и прославление чудесных дел благодати.

11 Анастасий занимал патриарший престол с 730 по 753 гг.

Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, священномученик – прославление

Священномученик Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, происходил из донских казаков. По свидетельству самого Патриарха, он был священником в городе Казани при казанской гостинодворской церкви во имя святителя Николая. И во время его там служения в 1579 году совершилось явление и обретение чудотворной Казанской иконы Божией Матери. С благословения тогдашнего Казанского архиерея Иеремии, будущий Святейший Патриарх Ермоген переносил новоявленную икону с места обретения в церковь во имя святителя Николая. Обладая незаурядным литературным дарованием, святитель сам впоследствии (в 1594 году) составил сказание о явлении чудотворной иконы и совершившихся от нее чудесах.

Вскоре он принял монашество и с 1582 года был архимандритом Спасо-Преображенского монастыря в Казани. 13 мая 1589 года хиротонисан во епископа и стал первым Казанским митрополитом.

В 1591 году святитель собирал в кафедральный собор новокрещенных татар и наставлял их в вере. В 1592 году были перенесены мощи святителя Германа, второго Казанского архиепископа (память 25 сентября/8 октября, 6/19 ноября, 23 июня/7 июля), скончавшегося в Москве 6 ноября 1567 года, во время моровой язвы, и погребенного у церкви во имя святителя Николая. По благословению патриарха Иова (1589–1605) святитель Ермоген совершил их погребение в Свяжском Успенском монастыре. 9 января 1592 года святитель Ермоген направил патриарху Иову письмо, в котором сообщал, что в Казани не совершается особое поминовение воинов, жизнь положивших за веру и Отечество под Казанью, и просил установить определенный день памяти. Одновременно он сообщал о трех мучениках, пострадавших в Казани за веру Христову, из которых один был русский, по имени Иоанн (память 24 января/6 февраля), родом из Нижнего Новгорода, плененный татарами, а двое других, Стефан и Петр (память 24 марта/6 апреля) – новообращенные татары. Святитель выражал сожаление, что эти мученики не были вписаны в синодик, читавшийся в неделю Православия, и что им не пелась вечная память. В ответ святителю Ермогену патриарх прислал указ от 25 февраля, который предписывал «по всем

православным воинам, убитым под Казанью и в пределах казанских, совершать в Казани и по всей Казанской митрополии панихиду в субботний день после Покрова Пресвятой Богородицы и вписать их в большой синодик, читаемый в неделю Православия», повелевалось вписать в тот же синодик и трех мучеников казанских, а день их памяти поручалось определить святителю Ермогену. Святитель объявил патриарший указ по своей епархии, добавив, чтобы по всем церквам и монастырям служили литургии и панихиды по трем казанским мученикам и поминали их на литиях и на литургиях 24 января. Святитель Ермоген проявлял ревность по вере и твердость в соблюдении церковных традиций, заботился о просвещении верой Христовой казанских татар.

В 1595 году при деятельном участии святителя совершилось обретение и открытие мощей казанских чудотворцев: святителя Гурия, первого архиепископа Казанского (память 4/17 октября, 5/18 декабря, 20 июня/3 июля), и Варсонофия, епископа Тверского (память 4/17 октября, 11/24 апреля). Царь Феодор Иоаннович (1584–1598) приказал соорудить в Казанском Спасо-Преображенском монастыре новую каменную церковь на месте прежней, где были погребены святые. Когда были обретены гробы святителей, святой Ермоген пришел с собором духовенства, повелел вскрыть гробы и, увидев нетленные мощи и одежды святителей, сообщил патриарху и царю. По благословению патриарха Иова и по повелению царя мощи новоявленных чудотворцев были поставлены в новом храме. Святой Ермоген сам составил жития святителей Гурия и Варсонофия.

За выдающиеся архиерейские качества митрополит Ермоген был избран на первосвятительскую кафедру и 3 июля 1606 года он возведен Собором святителей на патриарший престол в Московском Успенском соборе. Митрополит Исидор вручил патриарху посох святителя Петра, Московского чудотворца (память 5/18 октября, 21 декабря/3 января, 24 августа/6 сентября), а царь принес в дар новому патриарху панацию, украшенную драгоценными камнями, белый клобук и посох. По древнему чину патриарх Ермоген совершал шествие на ослати.

Служение патриарха Ермогена совпало с трудным для Русского государства периодом – нашествием самозванца Лжедмитрия и польского короля Сигизмунда III. В этот мрачный период Смутного времени первосвятитель все свои силы посвятил служению Церкви и Отечеству, но в этом подвиге он не был одинок: ему подражали и помогали самоотверженные соотечественники. С особым вдохновением противостоял Святейший Патриарх изменникам и врагам Отечества, желавшим ввести в России униатство и католичество и искоренить Православие, поработив русский народ.

Когда самозванец подошел к Москве и расположился в Тушине, патриарх Ермоген направил мятежным изменникам два послания. В одном из них он писал: «Вы забыли обеты православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались и возросли, преступили крестное целование и клятву стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство и припали к ложно-мнимому вашему царю... Болит моя душа, болезнует сердце и все внутренности мои терзаются, все составы мои содрогаются; я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братья и чада, свои души и своих родителей, отшедших и живых... Посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие, не на Бога ли, сотворившего вас? Не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете?... Заклинаю вас именем Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца». В другой грамоте первосвятитель призывал: «Бога ради, познайте себя и обратитесь, обрадуйте своих родителей, своих жен и чад, и всех нас, и мы станем молить за вас Бога...» Вскоре праведный суд Божий совершился и над Тушинским вором: его постигла столь же печальная и бессловесная участь, как и предшественника; он был убит собственными приближенными 11 декабря 1610 года.

Но Москва продолжала оставаться в опасности, так как в ней находились поляки и изменники-бояре, преданные Сигизмунду III. Грамоты, рассылавшиеся патриархом

Ермогеном по городам и селам, возбуждали русский народ к освобождению Москвы от врагов и избранию законного русского царя. Москвичи подняли восстание, в ответ на которое поляки подожгли город, а сами укрылись в Кремле. Совместно с русскими изменниками поляки насильно свели святого патриарха Ермогена с патриаршего престола и заключили в Чудовом монастыре под стражу. В Светлый понедельник 1611 года русское ополчение подошло к Москве и начало осаду Кремля, продолжавшуюся несколько месяцев. Осажденные в Кремле поляки не раз посылали к патриарху послов с требованием, чтобы он приказал русским ополченцам отойти от города, угрожая при этом смертной казнью. Святитель твердо отвечал: «Что вы мне угрожаете? Боюсь одного Бога. Если вы все, литовские люди пойдете из Московского государства, я благословлю русское ополчение идти от Москвы, если останетесь здесь, я благословлю всех стоять против вас и помереть за православную веру». Уже из заточения священномученик Ермоген обратился с последним посланием к русскому народу, благословляя освободительную войну против завоевателей. Но русские воеводы, не проявив согласованности, не смогли взять Кремль и освободить своего первосвятителя. Более девяти месяцев томился он в тяжелом заточении, и 17 февраля 1612 года скончался мученической смертью от голода.

Освобождение России, за которое с таким несокрушимым мужеством стоял святитель Ермоген, успешно завершилось русским народом. Тело священномученика Ермогена было погребено в Чудовом монастыре, а в 1654 году перенесено в московский Успенский собор.

В течение трех столетий из поколения в поколение передавалась память о патриархе Ермогене как святителе-мученике и росла народная вера в него как заступника и молитвенника за землю Русскую у Престола Вседержителя. В тяжкие годы отечественных бедствий молитвенная мысль народа обращалась к памяти патриарха-героя. Шли русские люди к его гробнице и со своими личными скорбями, недугами и болезнями, благоговейно призывая на помощь святителя Ермогена, веруя в него как теплого молитвенника и предстателя перед Господом. И Всемиловитый Господь вознаградил эту веру.

Ко дню торжественного прославления 12 мая 1913 года, совпавшему с 300-летием со времени кончины священномученика Ермогена, в Москву стали стекаться верующие со всех концов России. Паломники спешили поклониться мощам святого патриарха, находящимся в Успенском соборе Кремля, где почти непрерывно служились панихиды.

Накануне прославления совершался крестный ход, во главе которого несли икону святителя Ермогена, а вслед за ней покров с гробницы, на котором святитель изображен в рост в мантии и с посохом. Рядом с иконой патриарха несли икону его сподвижника в духовной и патриотической деятельности по освобождению Русской земли от польско-литовских захватчиков преподобного Дионисия Радонежского. На колокольне Иоанна Великого светилась огромная надпись: «Радуйся, священномучениче Ермогене, Российския земли великий заступниче». Сотни тысяч свечей горели в руках верующих, прославляющих угодника Божия. По окончании крестного хода у раки с мощами патриарха началось чтение пасхального канона с присоединением канона святителю Ермогену. Всенощное бдение совершалось под открытым небом на всех площадях Кремля. В эту ночь произошло несколько исцелений по благодатным молитвам святителя Ермогена. Так, например, один больной пришел в Успенский собор на костылях, но ощутил исцеление после того, как приложился к раке с мощами святителя. Исцелился другой больной, тяжело страдающий расслаблением. Его принесли на полотенце к раке священномученика Ермогена, где он получил полное исцеление. Эти и другие подобные исцеления, очевидцами которых были многочисленные верующие, стали знаменательным подтверждением святости нового русского чудотворца.

В воскресенье 12 мая в 10 часов утра совершалась Божественная литургия в Успенском соборе. На празднование торжества прославления нового святого прибыл блаженнейший Григорий, патриарх Антиохийский, возглавивший служение. По окончании литургии во всех храмах Москвы были отслужены молебны святителю Ермогену и совершен крестный ход в Московском Кремле, в котором приняли участие более 20 архиереев,

сопровождаявших торжественное шествие пением: «Святителю отче Ермогене, моли Бога о нас». Богослужение закончилось молитвой священномученику Ермогену. С этого дня началось литургическое почитание святителя Ермогена. Так исполнилось желание верующих русских людей, по молитвам которых Русская Православная Церковь получила благодатного небесного покровителя нашего Отечества.

Святейшим Синодом Русской Церкви установлены дни празднования священномученику Ермогену, Патриарху Московскому и всея Руси: 17 февраля/2 марта – преставление (сведения о жизни и подвиге помещены в этот день) и 12/25 мая – прославление в лике святителей.

Велико общенациональное значение святителя Ермогена, неутомимого борца за чистоту Православия и единство Русской земли. Его церковная и государственно-патриотическая деятельность в течение нескольких столетий служит ярким образцом пламенной веры и любви для русского человека. Церковная деятельность первосвятителя характеризуется внимательным и строгим отношением к богослужению. При нем были изданы: Евангелие, Миней месячные за сентябрь (1607 г.), октябрь (1609 г.), ноябрь (1610 г.) и первые двадцать дней декабря, а также напечатан «Большой Верховный Устав» в 1610 году. При этом святитель Ермоген не ограничивался благословением к изданию, но тщательно наблюдал за исправностью текстов. По благословению святителя Ермогена с греческого на русский язык была переведена служба святому апостолу Андрею Первозванному (память 30 ноября/13 декабря) и восстановлено празднование памяти в Успенском соборе. Под наблюдением первосвятителя были сделаны новые станки для печатания богослужебных книг и построено новое здание типографии, пострадавшее во время пожара 1611 года, когда Москва была подожжена поляками. Заботясь о соблюдении богослужебного чина, святитель Ермоген составил «Послание наказательно ко всем людям, паче же священником и диаконом о исправлении церковного пения». «Послание» обличает священнослужителей в неуставном совершении церковных служб – многогласии, а мирян – в неблагоговейном отношении к богослужению.

Сказание о Казанской иконе Божией Матери и служба этой иконе (1594 г.), послание патриарху Иову, содержащее сведения о казанских мучениках (1591 г.), сборник, в котором рассматриваются вопросы богослужения (1598 г.), патриотические грамоты и воззвания, обращенные к русскому народу (1606–1613) – всеми этими сочинениями и многими другими трудами первосвятителя пополнилась духовная сокровищница Русской Церкви.

«Государь велика разума и смысла и мудра ума» – пишется о патриархе Ермогене, «чуден зело и многого рассуждения», «зело премудростию украшен и в книжном учении изящен», «о Божественных словесах присно упражняется и вся книги Ветхого закона и Новыя благодати, и уставы церковных и правила законныя до конца извыче». Святитель Ермоген много занимался в монастырских библиотеках, прежде всего в богатейшей библиотеке московского Чудова монастыря, где выписывал из древних рукописей ценнейшие исторические сведения, положенные в основу летописных записей. В сочинениях предстоятеля Русской Церкви и его архипастырских грамотах постоянно встречаются ссылки на Священное Писание и примеры, взятые из истории, что свидетельствует о глубоком знании Слова Божия и церковной письменности того времени.

С такими высокими познаниями патриарх Ермоген соединял и незаурядные способности проповедника и учителя. Современники характеризовали нравственный облик первосвятителя как «мужа благочестиваго», «известнаго чистаго жития», «истиннаго пастыря стада Христова», «неложнаго стоятеля по вере христианской».

И все эти качества святителя Ермогена с особенной силой проявились, когда Русскую землю постигло несчастье внутреннего нестроения, усугубленное польско-литовским нашествием. Первосвятитель Русской Церкви самоотверженно оберегал Русское государство, словом и делом защищая православную веру от латинства и единство нашего Отечества – от врагов внутренних и внешних. Свой подвиг спасения Родины святитель

Ермоген увенчал мученической кончиной, перешедшей в благодатное молитвенное небесное заступничество за наше отечество у Престола Святой Троицы.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

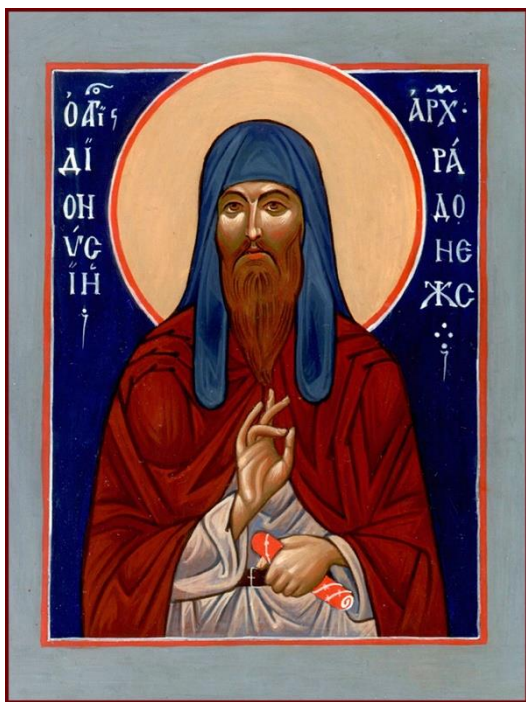
Тропарь, глас 4

Приспе день светлаго торжества,/ град Москва радуется,/ и с ним Русь Православная
ликовствует/ песнями и пеньми духовными:/ днесь бо священное торжество/ в явлении
честных и многоцелебных мощей/ святителя и чудотворца Ермогена,/ якоже солнце
незаходимое, возсия светозарными лучами,/ разгоняя тьму искушений же и бед/ от
вопиющих верно:// спасай нас, яко предстатель наш, великий Ермогене.

Кондак, глас 6

Темницею и голодом изнуряем,/ даже до смерти верен пребыл еси, блаженне Ермогене,/ малодушие от сердец людей твоих отгоняя/ и на общий подвиг вся призывая./ Темже и нечестивых мятеж низложил еси и страну нашу утвердил еси,/ да вси зовем ти:// радуйся, заступниче Российския земли.

Дионисий Радонежский, преподобный

Преподобный Дионисий Радонежский родился в г. Ржеве Тверской губернии. Во святом крещении ему было наречено имя Давид. В Кашинском уезде Тверской губернии есть село Зобнино; вероятно, родители преподобного Феодор и Иулиания происходили из этого села, от названия которого и получили свою фамилию – Зобниновские. Еще во дни детства Давида родители переселились в соседний город Старицу, где отец принял старейшинство над ямской слободой. Иноки обители Старицкой Гурий и Герман, научившие грамоте отрока, рассказывали о добродетельном житии его. С юных лет отличался он добротой, кротостью и любовью к чтению Священных книг, имел смирение и простоту сердечную, свыше обычая человеческого. Пренебрегая детскими играми, в страхе Божиим, прилежно внимал учению и соблюдал в сердце своем ревность к добродетелям. Его духовный отец, по имени Григорий, дивился его смирению и крепкому

разуму, ибо внутренними очами прозрел имеющую в нем быть благодать Святого Духа и не раз говорил своим духовным детям: «Посмотрите, чада, на сего сына моего по духу, который и сам будет огнем духовным для многих».

Много терпел юный Давид оскорблений от сверстников ради своего смирения, даже и самые удары, как иногда случалось от буйных детей, которые досадовали, что он не хочет разделить с ними игр. Но он все переносил с кротостью и старался по возможности от них уклоняться, имея непрестанно в устах своих имя Божие. Когда научился грамоте и достиг совершенного возраста, понуждением родителей, хотя и против желания, должен был вступить в брак. За свое благочестие был рано удостоен сана священнического и определен в церковь Богоявления в селе Ильинском, принадлежавшем Старицкой обители, за 12 верст от города. Но через 6 лет скончалась жена его Васса и двое сыновей-малюток Василий и Косма. Тогда уже он, свободный от мирских забот, оставил дом свой, пришел в Старицу,

принял монашество с именем Дионисия в обители Богоматери, подвизаясь о своем спасении.

Горячо любил Дионисий книжное учение. И случилось ему однажды быть в Москве для церковной потребности. И вошел он на торг, где продавались книги. Некто из бывших на торгу, взирая на юность и благолепное лицо его, помыслил о нем лукавое и стал дерзостно оскорблять его словами, говоря: «Зачем ты здесь, монах?» Но не смутился инок и не озлобилось сердце его; воздохнув из глубины души, кротко сказал оскорбителю. «Да, брат, я точно такой грешник, как ты думаешь обо мне. Бог тебе обо мне открыл, ибо если я был истинный инок, то не скитался бы по торжищу между мирскими людьми, а сидел бы у себя в келлии. Прости меня грешного, Бога ради». Умилились предстоявшие, внимая кротким и смиренным его речам, и обратились с негодованием на оскорбителя дерзкого, называя его невеждою. «Нет, братия, – говорил им инок Дионисий, – не он невежда, а я; он же послан мне от Бога на мое утверждение и правдивы речи его, чтобы впредь мне не скитаться по сему торжищу, но сидеть в келлии». Тогда уж и сам оскорбитель устыдился и хотел просить прощения за свою дерзость, но инок скрылся. Это был преподобный Дионисий, тогда казначей Старицкого Успенского монастыря. В 1605 году посвящен он был в архимандриты Старицкого Успенского монастыря.

Вскоре по вступлении Дионисия в должность настоятеля привезен был в Старицкую обитель низверженный по воле первого самозванца патриарх Иов. Хотя Дионисию было приказано содержать Иова как можно строже, «в озлоблении скорбном», но святой с любовью принял сверженного патриарха и стал во всем испрашивать у него наставлений и приказаний, стараясь успокоить невинного страдальца. Преподобный Дионисий вместе с митрополитом Крутицким Пафнутием и Тверским архиепископом Феоктистом похоронил его в своей обители в 1607 году.

Духовное общение архимандрита Дионисия со Святейшим Патриархом Иовом, можно предполагать, было виною и благосклонного к преподобному расположения Святейшего Патриарха Ермогена. На него часто указывал патриарх, дивясь его разуму: «Посмотрите на архимандрита Старицкого, как он подвизается; никогда он от соборной церкви не отлучается, и на царских собраниях он же всегда тут». И в смутное время преподобный Дионисий был ближайшим помощником святителя Ермогена, неотлучно находясь при нем, да и царь имел в Дионисии одного из ревностных защитников престола.

Однажды приверженцы литовские и московские злодеи, схватив Святейшего Патриарха Ермогена, со всякими ругательствами повлекли его на лобное место; одни толкали его, другие бросали песком в лицо и на честную главу, иные же, схватив за перси, дерзновенно потрясали, и когда все прочие трепетали, один лишь Дионисий в такой беде ни на шаг не отступал от патриарха, но страдал вместе с ним и всех с горькими слезами увещевал, чтобы перестали от такого дерзкого бесчинства, как о том засвидетельствовали многие из самовидцев.

В 1610 году патриарх Ермоген перевел архимандрита Дионисия на место настоятеля Троицкой лавры, которая еще не оправилась после осады поляков и нуждалась в хорошем благоустроителе.

Велико и сильно было имя преподобного Сергия в то время. Его уважали и боялись самые враги отечества, поляки и всякого рода воры. И если, бывало, кого эти недобрые люди остановят в дороге и он скажется Сергиевым, того пропускали без вреда. Случилось преподобному Дионисию возвращаться из Ярославля с одним боярином. Дорога же была тогда опасная и много проливалось крови от варварских людей. Посему архимандрит Дионисий сговорился с своими спутниками называться Сергиевыми. «Если, – говорил он, – поедем мы дорогою просто, та ограбят нас воровские люди и даже убьют; а если будем называться именем чудотворца Сергия, то спасемся». Не знал он еще, что он уже, действительно, стал «Сергиевым», ибо был назначен в обитель чудотворца в настоятели. Так проехали они многие опасные места. Не доезжая лавры, встретил их служитель Троицкий и спросил: «Какая власть едет?» Они отвечали: «Троице-Сергиева монастыря

старцы, едем из монастырских сел». Но тот, зная всех своих старцев, не поверил и спросил: «Не Старицкий ли это архимандрит, к которому я послан с грамотами от самодержца и патриарха?» И вручил Дионисию грамоты, из коих преподобный узнал о своем новом назначении и поспешил в Москву. Изумился судьбам Божиим преподобный Дионисий и пролил обильные слезы: ибо ему и на мысль не приходило – то, что по воле Божией пришло на сердце Святейшему Патриарху и благоверному царю. И это был, можно сказать, последний драгоценный дар их, которым облагодетельствовали они Россию, поставив избранного от людей Божиих на такую ступень, с высоты коей мог защищать земную свою родину в тяжкую годину ее бедствий.

Воздав благодарение царю и святителю за их избрание, Дионисий поспешил возвратиться в лавру Сергееву, только что освободившуюся от осады литовской и прославленную сим бессмертным подвигом. Его самого ожидал великий подвиг содействовать вместе с ревностным келарем Авраамием Палицыным освобождению уже не одной лавры, но всего царства, и двадцать три года подвизался он о спасении своего стада, в непрестанной молитве и пощении.

Ужасное и тяжкое то было время для Русской земли – время, которое русский народ в своей памяти прозвал «лихолетьем». Москва была в руках поляков. Народ страдал от зверства польских и казацких шаек. Толпы русских людей обоего пола нагие, босые, измученные бежали к Троицкой обители, как к единственной, выдержавшей напор врагов, надежной защите. Одни из них были изуродованы огнем, у иных вырваны на голове волосы; множество калек валялось по дорогам; у тех были вырезаны ремни кожи на спине, у других отсечены руки и ноги, у иных были следы ожогов на теле от раскаленных камней. Всеми путями стремились беглецы к дому Живоначальной Троицы, и не было числа слезам; измученные, изломанные просили отцов духовных. Вся обитель Святой Троицы преисполнилась умиравшими от наготы, голода и ран; не только по монастырю лежали они, но и в слободах, и в деревнях, и по дорогам, так что невозможно было всех исповедать и приобщить Святых Таин.

Видя сие, архимандрит Дионисий решился употребить на доброе дело всю монастырскую казну. Со слезами молил он келаря, и казначея, и всю братию, чтобы соболезновали и сострадали несчастным во всех их нуждах. «Любовь христианская, – говорил он, – во всякое время помогает нуждающимся, тем более надобно помогать в такое тяжкое время». Келарь и братия со слугами отвечали с грустью безнадежно: «Кто, отец архимандрит, в такой беде с разумом соберется? Никому тут невозможно промыслить, кроме Единого Бога». Но Дионисий со многим рыданием опять говорил: «В таких-то искушениях и нужна твердость. От осады большой Бог избавил нас молитвами Владычицы нашей и великих чудотворцев, а ныне, за леность нашу и за скупость, может нас и без осады смирить и оскорбить». Умилились от плача его келарь, и братия, и слуги и стали просить совета в своем недоумении. Дионисий так начал молить всех: «Покажите в этом милость свою, государи мои, келарь и казначей, и вся братия святая! Пожалуйте, меня послушайте: видели все, что Москва в осаде, а люди литовские во всю землю рассыпались, у нас же в монастыре людей хотя и много, но мало ратных и умеющих, и те погибают от цинги, от голода и от ран; мы, государи, обещали в иночестве умереть, умереть, а не жить. Если в таких бедах не будет у нас ратных людей, то что будет? Итак, что у нас есть хлеб ржаной и пшеница и квасы в погребе, все отдадим, братии, раненым людям, а сами будем есть хлеб овсяный, без кваса, с одной водой, и не умрем. Пусть каждый делает все, что может для других, а дом Святой Троицы и великих чудотворцев не запустеет, если только станем молить Господа нашего, чтобы подал нам разум». Приятен был всем совет сей и тверд, слез его ради.

И вот закипела деятельность. Преподобный Дионисий посылал монахов и монастырских слуг подбирать несчастных по окрестностям, привозить в монастырь и лечить. Прежде всего, по благословению архимандрита Дионисия, начали монастырской казной строить дома деревянные для болящих и бесприютных и нашлись для них врачи. И

повелено было ратных людей лечить и успокаивать их лучшей доброй пищей братской. В то время молитвами Дионисия было умножение муки в хлебне, ради великого чудотворца Сергия. Во все сие время не плакал, не просил себе милости у сего великого светильника; все со смиренномудрием вкушали только немного овсяного хлеба и то однажды в день, а в среду и пяток вовсе ничего не ели.

«Я и сам грешный, – пишет соборный ключарь Иоанн, – сколько на памяти моей постригал, причащал и погребал, вместе с братом моим Симоном: до четырех тысяч погребли мы мертвецов и, как теперь помню, что в один день похоронили в срубе на Клементьеве, у Николы Чудотворца, 960 человек, да в другом убогом доме – 640, и на Терентьевой роще – 450. Со священником Иоанном ходили мы по окрестным слободам и, по воле Дионисиевой, сосчитали, что в 30 недель погребли более трех тысяч, да зимою и весною погребал я всякий день тех, которые не хотели быть положены в убогих домах и ежедневно случалось до шести и более похорон, а в одной могиле никогда не клали по одному человеку, но не менее трех, а иногда и до пятнадцати; все сие беды продолжались полтора года».

По благословению св. Дионисия, как скоро обретали обнаженного мертвеца, тотчас посылалось все нужное для погребения; приставы ездили на конях по лесам смотреть, чтобы звери не съели замученных от врагов, и если еще кто был жив, привозили в странноприимницы, а которые умирали, тех худые одежды раздавали бедным: женщины шили и мыли беспрестанно рубашки и саваны, за что их довольствовали из монастыря одеждой и пищей. Келейник Дионисия, старец Дорофей, днем и ночью разносил от него больным и раненым полотенца и деньги. Такое пособие лавра оказывала страждущим все время, пока Москва боролась с поляками. Келарь Симон полагает, что за это время одних умерших было более 7000 и до 500 оставшихся при лавре в разных службах: можно по этому судить как велико было число всех, воспользовавшихся пособиями от обители.

Если праведным судом Господь и наказал нас во время осады, замечает писатель жития, то не обогатил ли нас потом сугубо Своею благодатью, как это видимо ныне всем человекам. Сколькими богатствами расширил Он и украсил селение славы Своей, обитель Пресвятой Троицы, молитвами великого чудотворца Сергия. Господь восставил, как некогда Иосифа на прокормление Египта и Товию праведного в Вавилоне, сего дивного мужа Дионисия, через которого многие сподобились получить благой конец с напутствием.

Но этого было мало для святой души Дионисия: его любящее сердце томилось страданиями всей Русской земли. Великий имел он подвиг, усердно молясь о избавлении царствующего града; во все полтора года, когда была в осаде Москва, непрестанно и в церкви Божией, и в келлии с великим плачем стоял он на молитве. И в 1611–1612 гг. в келлии архимандрита собираются скорописцы и переписывают послания Дионисия и его келаря Авраамия Палицына. Грамоты сии в Рязань, в Пермь с уездами, и в Ярославль, и в Нижний Новгород, князю Димитрию Пожарскому и Косьме Минину, и в Понизовские города, князю Димитрию Трубецкому и к Заруцкому под Москву, и в Казань к строителю Амфилохию, и много было в тех грамотах болезнования Дионисиева о всем государстве Московском. «Православные христиане, – писалось в этих посланиях смиренными иноками, доблестными сынами отечества, призывающими русский народ к братскому единодушию и к защите разоряемой врагами родной земли, – вспомните истинную православную веру и покажите подвиг свой, молитесь служилых людей, чтобы быть всем православным в соединении и стать сообща против предателей христианских (изменников отечеству) и против вечных врагов христианства польских и литовских людей! Сами видите, какое разорение учинили они в Московском государстве. Где святые церкви Божии и Божии образы? Где иноки, седины цветущие, инокини, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и поругано злым поруганием? Не пощажены ни старцы, ни младенцы грудные... Если же есть и недовольные в ваших пределах, то Бога ради отложите все сие на время, чтобы вам всем единодушно пострадать для избавления православной веры, покамест еще враги не нанесли какого-либо удара боярам и воеводам. Если мы

прибегнем к Прещедрому Богу и Пречистой Богородице и ко всем святым и обещаемся сообща сотворить наш подвиг, то Милостивый Владыка, Человеколюбец, отвратит праведный Свой гнев и избавит нас от лютой смерти и латинского порабощения. Смилуйтесь и молитесь! Но немедля сотворите дело избавления христианского народа, помогите ратным людям. Много и слезно со всем народом христианским вам о том челом бьем».

С такими воззваниями спешили из лавры гонцы в разные города и полки России. Троицкие грамоты ободрили народ: особенно сильно было воодушевление в Нижнем Новгороде. Здесь восстал на защиту родной земли приснопамятный муж Косма Минин. По его призыву собралось ополчение и под начальством князя Пожарского двинулось на защиту осажденной Москве. Услышал Господь молитву праведника, денно и ночью к Нему взывавшего, о избавлении православных христиан от кровопролитных напастей, о мире и тишине Московскому государству. Когда князь Димитрий Пожарский и Косма Минин двинулись к Москве со многим воинством и достигли Сергиевой обители, сей великий подвижник, совершив для них молебное пение, провожал всем собором воевод и ратных людей на гору, называемую Волкуша, и там остановился с крестом в руках, чтобы осенить их, священники же кропили святой водой. В то время сильный ветер дул навстречу воинам и смущалось их сердце от волнения; тревожились и воеводы, как идти в долгий путь при столь бурном ветре? Преподобный Дионисий благословляя воинства, обнадеживал ратных, внушая им призывать себе на помощь Господа, Пречистую Его Матерь и радонежских святых Сергия и Никона. Еще и вслед за ними осенял он идущих Животворящим Крестом, и – внезапное совершилось чудо: мгновенно изменился ветер и стал попутным православному воинству от самой обители, как бы от церкви Святой Троицы и чудотворных мощей, посему немалое было радование воеводам и войску. Высокая ступень иноческого подвига, достигнутая преподобным через непрестанную молитву, сообщила ему такой дар чудотворений, тщательно им хранимый от людей.

Сказание же сие, говорит писатель жития, слышали мы из уст самого князя Димитрия, который со многими слезами исповедал нам, какого чуда сподобил его Бог, заступлением Пречистой и великих чудотворцев и молитвами святого архимандрита Дионисия! На него излил Господь благодать Свою, ради крепкого его жития и щедро подавала ему чудная десница Божия то, чего со слезами молил у Господа дивный Его угодник. Одни только непрестанные молитвы Дионисия могли заставить князя пренебречь всей опасностью, какая угрожала им в стране от смут и заговоров, и двинуться сперва из Ярославля, а потом из-под лавры для довершения великого дела. Келарь Авраамий был отпущен архимандритом и находился безотлучно при войсках, лицом действующим не менее князя Димитрия Пожарского и Минина. Его одаренное перо передало потомству современные подвиги, подобно как его мудрые речи восстанавливали мир и тишину посреди враждующего стана.

Немирны были между собой соединившиеся под Москвой Пожарский и Трубецкой, но преподобный Дионисий писал им сердечное красноречивое увещание о мире и любви.

Еще длилась осада: поляки засели в Кремле и Китай-городе, и снова возникли возмущения между казаками. Жаловались они на нищету свою и богатство вождей, они хотели умертвить их и разбежаться. Что же архимандрит и келарь? Последнее сокровище лавры – ризы и стихари, сажженные жемчугом, посылают они в табор с слезным молением не покидать отечество. И тронулись казаки, вошли в разум и страх Божий и, возвратив обители ее пожертвования, поклялись переносить лишения. Скоро преподобный Сергей явился во сне греческому архиепископу Арсению, заключенному в Кремле, и утешил его вестью о избавлении. Приступом был взят Китай-город, сдался Кремль. С Божией помощью столица была очищена от врагов. С торжественным пением вступил прп. Дионисий и весь священный собор в храм Успения и восплакал при виде запустения святыни. Оба, архимандрит и келарь, были при избрании Михаила, которое совершилось в Москве в их Троицком подворье. Авраамий возвестил о том народу с лобного места, и сам в числе

послов почетных ходил приглашать юношу на царство. Он умолял его променять тишину обители Ипатьевской на бурный престол, колеблемый всеми ужасами войны и внутренних смятений. Когда же, по многом плаче, умолен был юный царь, то на пути своем к столице усердно припадал к раке преподобного Сергия, и архимандрит Дионисий благословил Михаила на спасенное царство.

Среди этих забот и трудов для спасения отечества Дионисий успел поправить и вверенную ему лавру. Ее башни и стены после осады были полуразрушены; уцелевшие от огня келлии стояли почти без крыши; имения разорены и рабочие разбежались. По ходатайству Дионисия царь подтвердил права лавры грамотами и повелел возвратить на свои места разбежавшихся крестьян. Деятельностью настоятеля мало-помалу изглаждались следы разорения в обители.

Еще не совсем окончились начатые поправки хозяйства по обители, как преподобный Дионисий должен был начать подвиги для святой веры. Казалось, после столь великих заслуг преподобного для отечества и лавры наступило для него время отдыха и успокоения. Не то судил Бог. Царь Михаил Феодорович, зная благочестие и ученость Дионисия, поручил ему грамотой от 8 ноября 1616 года исправить Требник от грубых ошибок, которые вкрались от времени. Дионисий и его сотрудники, старец Арсений и священник Иоанн, с усердием и благоразумием занялись этим делом; для пособия, кроме многих древних славянских требников, в числе коих был и требник митрополита Киприана, были и греческие требники. Ошибок найдено множество и иные крайне грубые: «О воплощении Сына Божия в потребниках письменных и в служебниках выхода первых печатей обрелось, яко Отец Бог с Сыном воплотися». Через полтора года представили исправленный ими требник в Москву, на рассмотрение Собора. Собор 1618 года, по наветам врагов преподобного, без вины осудил его как еретика, на лишение сана и заточение. Дионисия обвиняли и в том, что «имя Святой Троицы велел в книгах марать и Духа Святаго не исповедует, яко огонь есть». Это означало, что исправители полагали сделать перемены в славословиях Святой Троице, оканчивающих собой разные молитвы, а в чине водоосвящения исключали слово: «и огнем», как внесенное произволом невежества. В защитительной речи прп. Дионисий сказал: «Писано во всех требниках письменных старых, в том числе и пергаменных, в молитве: Твоею бо волею от небытия в бытие привел еси всяческая. Ты и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом Твоим Святым. Так стоят слова в пергаменных и в бумажных списках и в них нет слова: и огнем. Так и в списках, присланных из Москвы, – в книге митрополита Киприана (а Киприан митрополит – человек святой, как все знают) и в двух других списках! Так и в греческих книгах! Но не так в Московском печатном служебнике, где напечатано: Духом Твоим Святым и огнем. Мы не знаем, с чего напечатано: и огнем. Мы думали, что напечатано так сообразно с словами евангелиста Луки: Той вы крестит Духом Святым и огнем. Но зная, что евангелисты Марк и Матфей не сказали: и огнем, а только – Духом, приняли в основание слова Господа к Никодиму: аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Небесное. Сам евангелист Лука, предлагая обетование Господа, пишет: имате креститися Духом Святым, но не сказал: и огнем. По книге Деяний апостольских, в день Пятидесятницы снисшел Дух Святой на апостолов и явишася им разделени языцы яко огненни; не сказано: явились языки огненные, но яко огненни. Да и книга Деяний не определяет, в каком виде снисходил Дух Святой на крещающихся. Крещением же огненным означает только испытание огненное». Весьма любопытно и поучительно, что говорил Арсений о прибавке слова «и огнем» в чине крещения. Из числа 12-ти славянских списков, писал он, в 10 не было этого слова; в одном приписано на поле «и огнем», и в другом то же слово написано выше строки; в печатном же требнике это слово поставлено уже в строке. Вот происхождение прибавлений, за которые так упорно стоят ревнители мнимой старины! Прп. Дионисию пришлось вытерпеть много и много оскорблений незаслуженных.

Но по всей земле Русской еще бродили шайки литовцев и поляков, так что Дионисий не мог достигнуть места заточения, а потому его возвратили в Москву, заключили в

Новоспасский монастырь, морили голодом, томили в дыму бани, заставляли класть каждый день по тысячу поклонов. Преподобный, укрепляемый Господом, не только выполнял наложенную епитимию, но еще от усердия своего клал другую тысячу поклонов ежедневно. По праздникам его водили, а иногда возили верхом на кляче, еще до обедни, к митрополиту на смирение. Здесь в оковах он стоял на открытом дворе в летний зной до вечерни, не освежаемый и чашей студеной воды.

А грубые злобные невежды всячески ругались над ним, бросали в него грязью. Но преподобный был, как младенец, и все принимал со смирением и утешал братию, страдавшую с ним вместе, говоря: «Не скорбите, и не безумствуйте, Господь все видит, мы же страждем за слово истины, и это еще не вечная мука, все минет!» Его обложили пенею в 500 рублей за то, что «Духа Святаго не исповедывал, яко огонь есть». Преподобный же, стоя в железгах, толкавшим и оплевавшим его говорил: «Денег не имею, да и давать не за что: лихо чернецу то, если расстричь его велят, а если только достричь, то ему венец и радость. Мне грозят Сибирью и Соловками, но я рад тому, это жизнь мне». Когда другие с состраданием говорили: «Что это за беда с тобой, отче?», он отвечал: «Беды нет никакой, а милость Божия; преподобный Иона, митрополит, смиряет меня по делам моим, чтобы не был я горд. Такие беды и напасти – милость Божия, а вот беда, если придется гореть в геенском огне; да избавит нас Бог от сего!» И по Москве распустили нелепую молву, будто бы Дионисий и его сотрудники хотят огонь совсем вывести. Чего не выдумают и чему не поверит невежество народное! И что же? Ради сей безрассудной клеветы, чернь толпами выходила на улицу, когда на худой лошади везли святого старца из обители или в обитель, чтобы над ним потешаться и бросать в него камнями и грязью; но он, как незлобивый младенец, ни на кого не скорбел.

А главными обвинителями угодника Божия были свои же, троицкие иноки: головщик Логгин и уставщик Филарет. Это были люди крайне дерзкие, невежественные; Филарет от невежества говорил даже богохульные ереси. Их дерзость и прежде доходила до того, что во время богослужения они вырывали из рук архимандрита книги. Случилось однажды, при недостатке певчих, что сам Дионисий, сойдя с клироса, хотел читать первую статью. Логгин же, бросившись к нему, вырвал из рук его книгу и с большим шумом опрокинул аналой, на соблазн всей братии. Преподобный только перекрестился и молча сел на клиросе. Логгин прочитал статью и, подойдя к архимандриту, вместо прощения, начал плевать на него. Тогда Дионисий взял в руки пастырский свой жезл, махнул им, говоря: «Перестань, Логгин, не мешай пению Божию и братию не смущай; можно нам о том переговорить и после утрени». Логгин же до такой степени разъярился, что, выхватив посох из рук Дионисия, переломил его на четыре части и бросил обломки в настоятеля. Заплакал Дионисий и, возрев к образу Владычню, сказал: «Ты, Господи Владыко, все ведаешь; прости меня грешного, ибо я согрешил пред Тобою, а не он». Сойдя с места своего, стал он перед иконой Богоматери и проплакал всю утрению: ожесточенного же Логгина все братия не могли принудить, чтобы испросил прощения у архимандрита. Уставщик Филарет был другом Логгина. Этот был еще замечательнее. Он иночествовал в обители более 50 лет. Но «от простоты ненаучения мысли мудрования не добраго» имел он в себе, и в одном и том же лице был и темный невежда и дерзкий еретик. Прп. Дионисий скорбел о Филарете, говорил ему, что многолетние подвиги свои губит он самоволием невежества своего. Оба ожесточенные инока, раздражавшись на святого, писали против него в другие обители, в царствующий град, разные воздвигая на него козни, от которых он много страдал. Вот каковы были его клеветники. «Смею сказать о возводящих на нас неправду, писал страдавший вместе с Дионисием инок Арсений, что не знают они ни православия, ни кривославия, проходят священные писания по буквам и не стараются понимать смысл их». Каковы и всегда ревнители старой буквы.

Были однако и светлые минуты в жизни великого подвижника, когда после всех понесенных им искушений за чистоту догматов церковных и после мира, на время упокоившего бедствовавшую Россию, сам патриарх Иерусалимский Феофан, в 1619 году

присланный вселенскими патриархами для поддержания на Руси Православия, пришел поклониться великому чудотворцу Сергию и подивиться подвигам защитников лавры. Где еще можно было найти другого Дионисия, другого Авраамия и подобную им братию? Иерусалимский патриарх предложил патриарху Филарету, вернувшемуся из польского плена, облегчить положение преподобного, и в его оправдание указал на греческий требник. Дионисий освобожден был из темницы.

Слышав об обители Преславной Троицы, как во время разорения Московского государства и самого царствующего града то малое место спасено было от польских и литовских народов, удивился патриарх и хотел видеть с желанием сердечным не место, но дивного хранителя места, великого Сергия чудотворца. Когда же пришел в его обитель, архимандрит Дионисий сотворил ему честь, подобающую царскому величеству, и вышел в сретение вне монастыря, во множестве чина священного. Наутро же патриарх пришел служить литургию. Но прежде, отпев молебен, со многими слезами окроплял святой водой образ Живоначальной Троицы и Пресвятой Богородицы и, приступив к мощам чудотворца, велел архимандриту открыть святое лицо Сергия – ужас объял его и затрепетало в нем сердце, когда узрел нетление святого и осязал руки его и ноги.

«О великий Сергий чудотворец, слава святого жития твоего достигла и до востока солнечного: благодарение Содетелю всех Христу Богу, что и на конец века дошедшим людям, верующим в Него, дает упование не отпадать от правил веры, ради молитв Пресвятыя Своея Матери, и вас ради, со всеми святыми подвизавшимися в благочестии». Сказав сие, совершил сам литургию.

По совершении литургии молил его Дионисий совершить успокоение себе и всем пришедшим с ним из Иерусалима, и на трапезе воздана была ему почесть, как царям московским, когда приходят на поклонение в праздники. Святейший Феофан, сидя за обильной трапезой с братией, ничего не вкушал и был неутешен от плача, хотя торжество совершалось с пением ликов. Но патриарх, духом уразумев их печаль, сказал Дионисию и всей братии: «Что смущаетесь? Не скорбите о слезах моих, ибо радостью веселится о вас сердце мое; не ищу я чего-либо вашего, но вас самих, по глаголу апостола: «Вы бо радость моя и венец» (1Фес. 2, 19), ибо здравых вас обрел. Прежде слышали все Церкви Восточные скорбь вашу и труд, какие подъяли за Христа от гонящих вас, ради правой веры, и мне не безызвестно было о всех приключившихся бедах. Ныне же еще нечто прошу у вас видеть, да возвеселюся по желанию моему. Слышал я, что во время беды ратной некоторые иноки обители вашей дерзнули возложить на себя броню и, приняв оружие в руки, ратовать крепко; дайте мне их видеть».

Умилительное зрелище представляла беседа патриарха со старцами – защитниками лавры, подвизавшимися во время ее осады. Преподобный Дионисий принял было сие требование с недоумением, но подвижники добровольно вызвались: «Яви нас, отче, владыце нашему; буди все по воле его». И представлены патриарху более двадцати иноков, «нихже первый был именем Афанасий Ощерин, зело стар сый, и весь уже пожелтел в седилах». Патриарх спросил его: «Ты ли ходил на войну и начальствовал пред вои мученическими?» Афанасий отвечал: «Ей, владыко святой, понужден был слезами кровными». Патриарх спросил еще: «Что ти свойственнее, иночество ли в молитвах особо, или подвиг пред всеми людьми?» Афанасий, поклонись отвечал: «Всякая вещь и дело, владыко святой, во свое время познавается: у вас, святых отец, от Господа Бога власть в руку прощати и вязати, а не у всех; что творю и сотворих – в повелении послушания». И обнажив седую голову свою, поклонился ему и сказал: «Известно ти буди, владыко мой, се подпись латынян на главе моей от оружия; еще же и в лядвиях моих шесть памятей свинцовых обретаются; а в келлии сидя, в молитвах, как можно найти было из воли таких будильников к воздыханию и стенанию? А все се бысть не наше изволение, но пославших нас на службу Божию». Патриарх, без сомнения, удовлетворенный дознанием, что над воинственным одушевлением тем не менее господствует дух иноческого благочестия,

смирения и простоты, благословил Афанасия, поцеловал его «любезне», и прочих его сподвижников отпустил «с похвальными словесы».

Потом велел патриарх петь конечный молебен Пресвятой Троице и, знаменовавшись у св. икон, подошел ко гробу великого чудотворца, снял с себя клобук и отер им колено Сергия и ноги до подошвы и, подложив под плесна его со многими слезами, прикинув молитвенно ко гробу. А Дионисию велел стоять без клобука, с преклоненной главой, и, взяв свой клобук из-под ног чудотворца, поцеловал и дал целовать архимандриту, возложил руку на его главу. Архидиакон возгласил: «Вонмем», а архимандрит Синайской горы трижды: «Кирие элеисон». Патриарх же, возложив клобук свой на Дионисия с молитвой, благословил и целовал его в уста, с сими словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, дал я тебе благословение, сын мой, и знаменовал тебя в великой России, среди братии твоей да будешь первый в старейшинстве по благословению нашему, так же и кто по тебе будет, да носит в сем святом месте благословение наше, величаясь и хвалясь нашим смирением и радостно всех извещая: сие им дано знамение, что и патриархи Восточные – поклонники сущь сему святому месту, и честь свою перед Святой Троицей оставили, сняв с главы своей память, по себе, и положили под ноги великому стражу и блюстителю, богоносному Сергию чудотворцу!» Потом велел петь на обоих клиросах: «Спаси Христе Боже, отца нашего архимандрита Дионисия» и, обратясь к братии, сказал: «Запишите себе все сие, что совершил я над архимандритом, и если впредь кто из братии нашей придет сюда на поклонение, пусть ведомо будет изволение наше грядущим родам, чтобы и вы не забыли наше смирение и любовь, и памятовали в своих молитвах».

Вся жизнь преподобного была жизнью истинного Божия подвижника. Большую часть времени он проводил в молитве. «Келлия устава не имать», – говаривал преподобный, и в келлии читал Псалтирь с поклонами, Евангелие и Апостол, вычитывал сполна акафисты и каноны; в церкви выстаивая все положенные службы, Дионисий совершал, кроме того, ежедневно по шесть и по восемь молебнов. Ложился спать за три часа до утрени и вставал всегда так, что успевал еще положить до нее триста поклонов. В церкви соблюдал строго церковный устав, сам пел и читал на клиросе, имея дивный голос, так что все утешались, внимая ему: как бы тихо не читал он, каждое слово было слышно во всех углах и притворах храма. Признательный к благотворителям обители, он требовал, чтобы читались сполна синодики на проскомидии; во время соборного служения все иеромонахи в епитрахиях стояли в алтаре и поминали имена усопших вкладчиков. В каждую утреню обходил он церковь и осматривал, все ли в храме. Он выходил с братией и на работы монастырские. У него были и иконописцы, и мастера серебряных дел. Благородные князья любили его и помогали, но были и такие властолюбцы, которые ему не только не помогали, но и оскорбляли его словом и делом. Это не останавливало однако Дионисия, до конца жизни, от ревностного обычая строить и обновлять церкви, и после его смерти много осталось утвари, приготовленной им для обновления храмов. Он усердно заботился о храмах Божиих не только в своей обители, но и по селам монастырским, где построено им несколько церквей после польского разгрома. Один из этих храмов в 1844 году был перенесен из села Подсосенья в новооснованный тогда Гефсиманский скит близ Сергиевой лавры, где и теперь привлекает он всех богомольцев своей изящной простотой. По благословению архимандрита Дионисия и при его собственноручной редакции рукописей был составлен сборник Четых-Миней.

При нем было в обители 30 иеромонахов и 15 иеродиакон, а на клиросах стояло до 30 певцов. Каждую утреню сам архимандрит обходил всю церковь со свечой в руках, посмотреть, нет ли отсутствующих, и если кого не было – посылал за ним будильщиков; если же кто, действительно, был болен, то промышлял об нем, как врач духовный и телесный и упокоевал в больнице. Примером своего смиренномудрия он внушил равенство между братией, а подвижническая жизнь его возбуждала и других к подвигам: по его примеру даже старцы почтенные не стыдились ходить звонить на колокольную. В обращении с братией он был кроток и прямодушен, приветлив и терпелив. Он во всем

старался подражать великому в своем смирении основателю лавры преподобному Сергию, и чудотворец видимо помогал ему во всем. «Я, многогрешный, – пишет келарь Симон, – и прочие из братии, жившие с ним в одной келлии, никогда не слышали от него ничего обидного. Он всегда имел обычай говорить: «Сделай, если хочешь», так что некоторые, не понимая его простого нрава, оставляли без исполнения его повеление, думая, что он оставляет дело на их волю. Тогда добрый наставник, помолчав немного, говорил: «Время, брат, исполнить повеленное: иди и сделай"»).

Из учеников преподобного Дионисия особенно известен Дорофей, прозванный «великим трудником». Келарь Симон Азарьин пишет о нем: «Он был так тверд в благочестии, что никогда не оставлял церковного богослужения, исправлял должность пономаря в церкви чудотворца Никона и вместе с тем был канонархом и книгохранителем. В келлии он выполнял правило необыкновенное: ежедневно читал всю Псалтирь и клал до тысячи поклонов; при том же писал книги. Спал он весьма мало и никогда не ложился для сна. Пищею его служил кусок хлеба и ложка толокна и притом не каждый день; только по убеждению архимандрита стал он есть хлеб с квасом». И другой писатель жития Дионисиева, ключарь Иоанн (священник Иоанн Наседка), бывший также самовидцем строгого жития Дорофеева, свидетельствует о нем, что он всегда по Дионисиеву приказу разносил больным и раненым, мученым от врагов, деньги и одежды от щедрого настоятеля и по целым ночам оставался сидеть с больными и увечными. Братья, наблюдавшие в тайне за образом его жизни, видели, что и по неделе иногда не прикасался он ни к какой пище; некоторые из келейников над ним смеялись и было у них прение: одни говорили, что он свят, другие же, что безумен. Однажды я сам над ним посмеялся, будучи еще мирянином, смиренно сознается писатель, но в ту минуту взошедший Дионисий строго на меня посмотрел, ничего однако не сказал мне. Десять лет спустя, когда был я у архимандрита в Москве на духовной беседе, просил я себе прощения со слезами за свой поступок и он с кроткой улыбкой, благословив меня, сказал: «Не вопрошай иноков о делах иноческих, ибо для нас великая беда открывать вам, мирянам наши тайны; писано: шуйца да не весть, что творит десница». Однако, по настоянию моему, старец продолжал: «Вы миряне, если что услышите худого о чернецах, нелепо их осуждаете, и это вам грех, а что услышите доброго, о том не ревнуете, но только хвалите и от ваших похвал еще больше приходит искушение, ибо от того происходит величание и гордость; по сему для нас полезнее прикрывать от вас дела свои, чтобы никто о нас не слышал». Когда спросил я: «Что означал строгий его взгляд, когда встретился мне в келлии у Дорофея?», Дионисий отвечал: «Не гневайся, святому мужу вы посмеялись и всем вам грех, потому что не по-вашему он жил. Мне ведомо, что не только седмицу он не едал, но часто до десяти дней и ложки воды не выпивал, а на все службы ходил наг, и бос, и голоден, да еще не умывая ни лица, ни рук, а когда ходил за больными, то не гнушался никаких смрадных ран. Будучи же юн возрастом, мучился блудными помыслами, и потому так сильно ратовал против врагов мысленных алчбой и жаждой; вместо воды служили ему для омовения лица, персей и рук слезы, непрестанно им проливаемые при совершении добрых своих дел, потому и болезненно мне стало смехотворство ваше».

В 1622 году святой архимандрит собрался ехать в Москву. Братия пришли просить благословение, вышел к нему и Дорофей в тяжкой немощи, прося себе последнего прощения: «Уже время мое подходит, – говорил он, – и смерть приближается; о едином скорблю, что уезжаешь отсюда и не сподоблюсь погребения от твоей преподобной руки». Дионисий как бы шутя сказал ему с запрещением: «До моего приезда будь жив, и не дерзай умирать, доколе не возвращусь от самодержца; тогда умрешь, если Господь изволит, и я погребу тебя». – «Воля Господня да будет», – отвечал Дорофей. Архимандрит был в столице и возвратился в лавру. Когда с молитвой входил в сени своей келлии и опять принимала от него благословение братия, вышел и Дорофей, уже в конечном изнеможении, прося себе прощения. Преподобный благословил его и простился с ним, а сам, облачившись, пошел в церковь петь молебен за царское здравие, по обычаю, какой содержался в обители

Троицкой, на приезде властей. Но он еще не успел начать молебна, когда пришли сказать ему, что Дорофей отошел ко Господу. Прослезился Дионисий и похоронил труженика собором, со всей братией.

Кроткому старцу Божию до конца дней своих привел Бог терпеть скорби и искушения от своих собратий, ибо вечный враг рода человеческого вооружился против святого, чтобы каким-нибудь образом удалить его из обители чудотворца Сергия. Дьявол возбудил одного чернеца, по имени Рафаил, присланного под начало в обитель Сергиеву от патриарха Филарета и даже окованного за различные крамолы и поступки, недостойного монашеского звания. Покушаясь освободиться от уз, Рафаил оклеветал преподобного Дионисия перед царем Михаилом и патриархом Филаретом, и старца потребовали в Москву. Много скорбели о том и братия, свидетельствуя о праведном житии его, и в скором времени был он отпущен в лавру, а клеветники его сосланы в заточение, получив достойную мзду за свое беззаконие. Вскоре за сим искушением последовало и другое. Эконом обители Сергиевой, будучи властолюбив, не питая в сердце страха Божия, оклеветал архимандрита, будто бы ни во что вменяет повеление царское и святительское; лукавством своим до такого бесчестия довел блаженного мужа, что был он ввержен в темное и смрадное место, где в тайне пробыл три дня в заточении.

И столь велико было терпение и смиренномудрие святого, что никто даже не узнал о его страданиях, кроме духовника; после многих угроз от патриарха был он однако отпущен в лавру. Но эконом тайными грамотами продолжал еще клеветать на него, будто бы Дионисий промышляет себе патриаршество, и дошел до такого безумства, «что однажды на соборе при всей братии, не стыдясь честнаго лица его», дерзнул бить по ланитам, и с бесчестием запер настоятеля в келлию, откуда не выпускал его четыре дня к церковному пению. Сам благоверный государь, услышав о том, властью державной освободил страдальца и, будучи в обители, перед всей братией сделал расследование о его страданиях. Но преподобный Дионисий все покрыл любовью и всех представил себе доброхотами, себя одного представляя во всем виновным. Таким образом гнев царский преложил на милость, к общему изумлению всех бывших при царе бояр. С тех пор самодержец уже не верил ни какой клевете на святого мужа до конца его жизни.

Когда приспело время преставления преподобного, по свидетельству бывших при нем, не отлучался он от церкви, но и в самой немощи своей, еще накануне смерти служил обедню и даже в день исхода своего был у утрени и обедни, ни в чем не желая уменьшить своего подвига. В самый благовест вечерни встал он и, надев клобук и мантию, хотел идти в церковь, но, чувствуя конечное изнеможение, стал просить себе схимы. Уже едва мог преподобный стоять от болезни и сел на постель, прежде нежели были довершены последние молитвы. Некоторых из братии он успел благословить и, перекрестив лице свое, возлег на ложе, закрыл глаза, сложил крестообразно руки свои и предал чистую душу свою в руки Господни, великий оставив по себе плач и сетование братии. Когда было положено во гроб тело его, все на него с услаждением взирали, потому что лицо его было благолепно, очи и уста веселые, и в ту минуту многие из иконописцев, любви ради, списали благолепие лица его, чтобы такой блаженный муж у всех в памяти вечной пребывал. Сам патриарх Филарет пожелал совершить над ним отпевание, для чего святые мощи его и были перевезены в Москву, в Богоявленский монастырь, а потом возвращены в лавру для погребения.

От мощей преподобного получил исцеление князь Алексей Воротынский, который был весьма любим архимандритом. Болящий лежал на одре и не мог сам прийти поклониться усопшему, но, памятуя всегдашнюю любовь, послал отслужить над ним панихиду, и как только принесли ему кутью после службы, немедленно исцелился от своей болезни.

Священник лаврской слободы Феодор много скорбел, что не мог видеть кончины преподобного. И вот во сне видит он, будто спешит с другими принять прощение Дионисия, но святой говорит ему: «Для чего ты спешишь? Те благословение просят потому, что остаются здесь, а ты скоро пойдешь за мной». Спустя восемь дней Феодор скончался.

И присный ученик его Симон, писатель жития, не присутствовавший при его блаженной кончине, потому что послан был учителем своим настоятельствовать в Алтырский монастырь, зависевший тогда от лавры, испытал над собой силу посмертных его молитв. Будучи ни в чем не виновен, он выдан был за чужие грехи, и не ожидалось ни откуда спасения. Одна инокиня Хотькова монастыря, по имени Вера, слыша о беде Симоновой, со слезами о нем молилась, призывая на помощь преподобного Дионисия. И вот она видит во сне благолепный храм и святителей в облачении, восходящих на ступени, а в след за ними и Дионисия, поддерживаемого двумя диаконами. Инокиня припала к ногам его, как бы к живому, прося помощи беспомощному, и восклицая: «Господи! Тот, кого Ты любил, нынче сильно страдает и ни от кого не имеет помощи». Дионисий же, прикоснувшись до нее рукой, поднял ее, говоря: «Не скорби, будет ему милость Божия и избавление от такой напасти, от меня же вам благословение». С сими словами он скрылся и, действительно, вскоре освободился от напасти Симон, извещенный о чудном видении сыном инокини Веры Михаилом.

Священноинок Порфирий, живший долго в одной келлии с преподобным, был уже архимандритом в Рождественской обители города Владимира, когда услышал о его кончине. Сильно скорбел он, приводя себе на память все его страдания, и молил всемогущего Бога явить ему: воспринял ли преподобный мзду свою за многострадальный подвиг. После долгой молитвы увидел он желанного ему архимандрита Дионисия сидящим, припавши к ногам его, с радостными слезами просил он благословения и говорил ему: «Отче Дионисие, поведай мне, обрел ли ты благодать от Всещедрого Подателя за такое многострадалство и крепкие подвиги?» Дионисий же, благословив его, сказал утешительное слово: «Радуйся со мною, Порфирий, ибо великую воспринял я благодать у Бога». Впоследствии сей Порфирий был послан архимандритом в Псков, а потом переведен в Москву, в Андрониев монастырь, где и скончался.

В 1652 году в Великий пост повелением царя Алексея Михайловича митрополит Ростовский Варлаам послан был с боярином Салтыковым в город Старицу, для перенесения из Богородичной обители тела Святейшего Патриарха Иова. В навечерие их отправления с мощами к Москве, явился к митрополиту Варлааму архимандрит Дионисий, когда митрополит слушал утреню на святительском месте. Ему представилось, что Дионисий взошел с кадильницей в руках и, раздувая уголья, покадил сперва образа, а потом святителя и внезапно стал невидим, оставив только по себе чудное благовоние. И подобало сему великому мужу, погребавшему некогда многострадального Иова патриарха, присутствовать при перенесении мощей его в столицу.

Преосвященный Филарет (Гумилевский) днем преставления преподобного Дионисия называет 10 мая 1633 года, а в соответствии с Настольной книгой священнослужителя – 12 мая 1633 года. Месяцеслов святых указывает, что память прп. Дионисия в Русской Церкви совершается 12/25 мая, под каковым числом помещены и сведения о его жизни, но в Гефсиманском скиту (близ Троице-Сергиевой лавры), по предложению наместника лавры архимандрита Антония († 1878), 5 мая совершается празднество св. Дионисию с утверждения Московского митрополита Филарета, в память его кончины (то есть Дионисия). Митрополит Филарет постановил: «Править 5 мая св. Дионисию молебен, по канону, приложенному к житию его». Имя св. Дионисия в Гефсиманском скиту поминается на отпусте при богослужении.

Житие сего великого мужа сохранила нам благочестивая древность по тому глубокому уважению, которое к нему питали Церковь и отечество, спасенные подвигом его самоотвержения в страшную годину самозванцев. Житие и канон написаны келарем Троицкой лавры Симоном (Азарьиным) и дополнены ключарем московского собора священником Иваном Наседкою, от которого осталась нам и летопись о мятежах. Первый говорит о подвижнической жизни св. Дионисия, второй же больше о деяниях защиты отечества.

Дай Бог, чтобы не оскудевали на Русской земле такие доблестные сыны Отечества и подвижники благочестия. Ими, их молитвами и трудами крепла наша Святая Русь, ибо они-то и есть семя свято – стояние ее!

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Тропарь, глас 3

Земная, прельщающая очеса миролюбцев,/ возненавидел еси, отче Богоносне Дионисие,/ за уметы та вменив,/ шествуя путем скорбным,/ и в терпении добр воин Христов явился еси,/ победив страсти мира,/ был еси до кончины непоколебимый благочестия поборник./ Темже мы днесь, совершая священную память твою,/ духовными тя песньми ублажаем и смиренно молим,/ да, предстоя Престолу Господа Бога,/ ходатайствуеши о спасении душ наших.

Ин тропарь, глас 4

Благости научився от Вышняго благодати,/ измлада подвизався благою совестью,/ Дионисие преподобне,/ терпения столп был еси/ и слова Божия проповедник,/ благочестия догматы утвердив и суетных мудрование упразднив,/ темже и пострадал еси за истину, радуясь,/ образ страдальцем собою показав,/ но, яко имея дерзновение ко Христу Богу,/ не престай моляся о нас,/ любовьию чтущих святую память твою.

Кондак, глас 6

Свет Трисиянный, вселившийся в душу твою,/ сосуд избран показа тя,/ вещающа Божественная людем,/ исповедник Божия Слова явился еси,/ и прилагающих Божеству вещественный огонь/ явственно обличил еси,/ и злославных смыслы, яко паучинное прядение, растерзал еси,/ благочестия столп и забрало твердое миру показался еси/ и сего ради от Вселенскаго Патриарха дивне похвален был еси./ Мы же благодарными гласы, веселящеся, вопием ти:/ радуйся, отче наш, Дионисие преподобне.

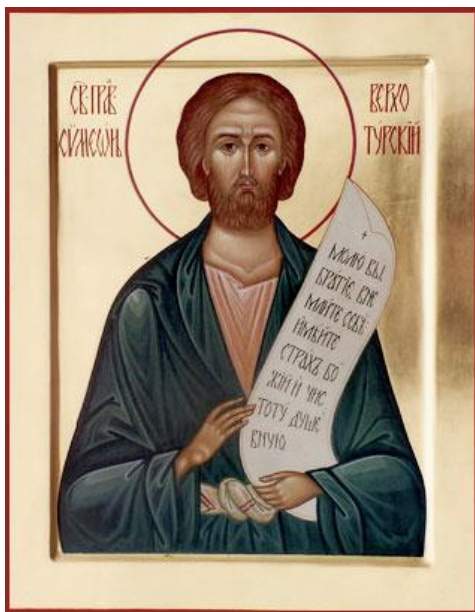
Ин кондак, глас 4

Правило веры, столп благочестия/ был еси, Богоносне Дионисие,/ явив в себе образ и пример/ преуспевания добродетели и подвигов:/ сею Евангельскую мрежею/ многих уловил еси подражателей,/ подай блестящею на Небеси славою своею/ ревность к содействию на пользу правоверных./ Темже мы, ныне воспевающе сия, молим тя,/ да ходатайствуеши о стране нашей/ и о всем Церкви исполнении.

Епифаний премудрый Радонежский, преподобный

Преподобный Епифаний Премудрый, бывший духовником в обители преподобного Сергия и оставивший нам описание жития своего великого старца, был человек весьма образованный для своего времени, много путешествовавший по святым местам и написавший, кроме жития преподобного, похвальное ему слово, житие святителя Стефана Пермского и тоже похвальное ему слово. В молодости своей он жил со Стефаном в Ростове, в монастыре Григория Богослова, именуемом «Затвор».

Праведный Симеон Верхотурский (Меркушинский)

Дни памяти

11 февраля - Собор Екатеринбургских святых

25 мая - Второе обретение мощей

25 сентября - Перенесение мощей

31 декабря - Прославление

Праведный Симеон, сын благородных родителей, родился вне пределов Сибири в начале XVII века. Дворянин по происхождению, он презрел все мирские почести, удалился из России за Урал в Сибирь и прибыл в Верхотурскую область. Но святой не поселился в самом городе Верхотурье, ибо он избегал мирской суеты, а город Верхотурье был известен тогда как торговое место, где трудно было вести тихую жизнь, как того желал св. Симеон. Посему он остановился в селе Меркушине, которое отстояло от

Верхотурья верст на пятьдесят. Самая природа того места располагала святого мужа к богомыслию и отшельническим трудам. Величественные кедр, громадные ели, густые леса, местами прекрасные долины, вздымавшиеся скалистые утесы привлекали к себе подвижника. Он не жил постоянно в селе Меркушине, но часто оставлял его, странником ходил по окрестным селам и деревням или уединялся где-либо на берегах реки Туры, предаваясь различным подвигам и в молитве беседуя с Создателем. Твердой своей верой в Бога он подавал всем пример благочестивой жизни. Он не хотел, чтобы руки его оставались праздными, но сам снискивал себе пропитание. Забыв о своем благородном происхождении на земле, он восхотел сделаться причастником Царства Христова и гражданином горнего Иерусалима. О трудолюбии праведного Симеона осталась неизгладимая память в потомстве. Он занимался шитьем шуб с нашивками и таким образом доставал пропитание себе и помогал другим. По временам праведный Симеон удалялся в уединенное место на берегу реки Туры, в десяти верстах от Меркушина, и здесь занимался ужением рыбы. И доселе указывают это место на правом берегу. Симеон садился здесь под раскидистой елью на камне, который существует еще до сих пор. Так занятиями святого было: в зимнее время – шитье шуб, в летнее – ловля рыбы.

Богатый смирением, праведный Симеон отличался полной нестяжательностью. Занимаясь шитьем шуб, он обходил окрестные селения и работал в домах разных крестьян. Нередко при сем приходилось блаженному испытывать разные неудобства и лишения, но он все переносил, славя и благодаря Господа. Часто, даже когда работа в доме какого-либо поселянина была не совсем окончена, Симеон тайно уходил из дома. За это его осуждали, но святой по своему обычаю терпеливо переносил все нарекания. Тогда поняли, что святой муж поступает так для того, чтобы уклониться от платы за свой труд.

Святой Симеон неуклонно посещал храм во имя Архистратига Божия Михаила, бывший в селе Меркушине. Ко всем относился он приветливо, старался всем служить, всем помогать. Св. Симеон был крайне воздержан, любил уединение, отличался чистотой не только телесной, но и душевной, ко всем питал любовь нелицемерную.

Так подвизался праведный Симеон и, еще не дожив до старости, с верою отошел к Господу, Которому как истинный и верный раб служил все дни своей жизни. Его блаженная кончина последовала около 1642 г. Честное тело его было погребено в Меркушине недалеко от церкви во имя святого Михаила, Архистратига Сил Небесных.

Не много известий о подвижнической жизни сего праведного мужа дошло до нас, но яснее всяких известий говорят о благочестивой жизни св. Симеона исцеления, которые

обильной струей истекают от мощей сего великого угодника Божия уже более трех столетий. Смиранный при своей жизни, Симеон не любил прославления людского, избегал славы сего суетного мира. Посему память о нем уже начинала исчезать, но Богу не было угодно, чтобы забыт был на земле тот, кто все земное забыл ради Него.

В 1692 г. заметили, что гроб праведного Симеона стал подниматься из земли. Все были поражены таким явлением, но еще более возросло изумление, когда сквозь расщелившиеся доски гробовой крышки увидели нетленные останки. А между тем уже не было человека, который мог бы припомнить имя праведника, гроб коего так чудесно стал являться. Все жители удивлялись такому необычайному явлению и благодарили Господа, являющего верных рабов Своих. Вскоре благоговейное почитание новоявленных мощей еще более усилилось, когда от них стали совершаться чудотворения.

В то самое время один воевода – Антоний Савелов – должен был ехать в Нерчинск. Слуга этого воеводы Григорий еще за год до того впал в тяжелый недуг: все тело его расслабело, так что он не мог ни ходить, ни делать что-либо своими руками. Не желая оставлять своего слуги, воевода взял его с собою на место новой службы. Но в дороге Григорию сделалось еще хуже. Путь их лежал через Верхотурье. Прибыв туда, Григорий узнал от местных жителей о мощах новоявленного праведника и о том, что при гробе его подаются исцеления. Слыша сии рассказы, Григорий стал размышлять: «Быть может, Господь и мне подаст исцеление по молитвам Своего новоявленного угодника». Посему он просил своего господина, чтобы тот позволил ему съездить в Меркушино. Савелов позволил ему это. И вот, прибыв в Меркушино, Григорий над могилой праведного попросил сначала отслужить молебен святому Архистратигу Михаилу, а потом отпеть панихиду при гробе новоявленного святого. Усердно молился Григорий о том, чтобы Господь даровал ему

исцеление по молитвам Своего угодника. После сего он взял земли с гроба, оттер ею члены своего тела и тотчас почувствовал себя совершенно здоровым. В радости он стал прославлять Господа и рассказывал окружающим о чудесной помощи свыше.

Среди слышавших об исцелении Григория был слуга воеводы сибирского Андрея Нарышкина Илия Головачев. Он сильно страдал глазами: на них образовалась злокачественная опухоль, и от великой боли Илия даже не мог глядеть. Страшась совершенно потерять свое зрение, он обратился к Господу с усердной молитвой об исцелении. В таком положении его нашел Григорий, сам недавно получивший исцеление от своего недуга по молитвам св. Симеона. Григорий стал утешать Илию: «Не предавайся печали и отчаянию; вспомни, как милосерд Господь. Дивны Его благодеяния роду человеческому. И на мне, грешном, Он недавно проявил Свою милость, исцелил меня от тяжкого недуга по молитвам праведного человека Божия, новоявленного сибирского чудотворца. Обратись с молитвой к сему угоднику Божию и можешь получить облегчение и исцеление».

По просьбе Илии Григорий дал ему земли с гроба меркушинского чудотворца. Илия с верой, что праведник поможет ему, приложил сию землю к глазам. В следующую же ночь во время сна больной почувствовал, что из глаз его выделяется какая-то жидкость. Проснувшись, он заметил, что по лицу у него течет из глаз кровь. Когда же сняли повязку, то вместе с нею отстала и самая опухоль. С великой радостью поспешил Илия придти утром

к своему господину и рассказал ему обо всем случившемся; при сем он просил у Нарышкина позволения съездить в Меркушино на поклонение мощам новоявленного чудотворца и получил на то согласие.

Дочь того же Нарышкина страдала также глазной болезнью. Слыша о чудесах в Меркушине, воевода отправился с нею в то селение. Здесь после панихиды над гробом праведника больная получила исцеление, как только приложила к глазам своим землю, взятую с гроба святого.

Слух о явлении мощей скоро достиг и до Тобольска. В то время Верхотурская страна принадлежала к Сибирской епархии. Тобольские иерархи с особенным рвением наблюдали за чистотой православной веры. Между тем в сию страну были отправляемы различные люди, уклонившиеся от истинного православия. Посему тобольские святители часто сами совершали объезды своей епархии или же поручали сие кому-либо из своих помощников. В 1693 г. с такой целью прибыл в Верхотурье клирик Сибирского архиерея, по имени Матфей. Из Верхотурья он направился в Меркушино. Здесь ему был показан выходящий из земли гроб с нетленными останками. Уверившись в действительности сего удивительного явления, Матфей донес о сем своему владыке, митрополиту Тобольскому Игнатию, незадолго до этого прибывшему в свою епархию. Кроме того, упомянутый Матфей повелел священнику той церкви Иоанну Андреевичу и церковному старосте с прихожанами поставить небольшой сруб, или «голубчик», над выходящим гробом. Сие и было немедленно устроено. Вскоре после этого, в 1694 г., при гробе праведного произошло следующее чудесное исцеление. В Верхотурье жил тогда один пушкарь по имени Иоанн Григорьев. Его постигла тяжкая болезнь: он совершенно расслаб, так что, не надеясь выздороветь, стал уже готовиться к смерти. Болезнь все усиливалась. И вот однажды, находясь в таком тягостном положении, он во сне услышал голос: «Иоанн, иди в село Меркушино; вели священнику той церкви отпеть молебен святому Архангелу Божию Михаилу, а у выходящего гроба – совершить панихиду, и будешь здрав».

Пробудившись от сна, Иоанн тотчас же послал своего сына Стефана к священнику в село Меркушино. Там по просьбе Стефана был совершен молебен святому Архистратигу Михаилу и отпета панихида над гробом праведника. В сие самое время в Верхотурье расслабленный Иоанн почувствовал себя гораздо лучше, так что даже был в состоянии добраться без посторонней помощи к своему воеводе Иоанну Циклеру, рассказал ему о своем исцелении и о том, как он услышал во сне голос. Выслушав его рассказ, воевода сказал ему: «Не забывай же такой милости Божией».

Спустя неделю Иоанн отправился вместе со всем своим домом в Меркушино. Совершив над гробом праведного панихиду, он взял с гроба земли и стал обтирать ею свое тело и тотчас же почувствовал себя вполне здоровым, как будто никогда и не был болен.

Не только сам Иоанн испытал над собой помощь свыше по молитвам святого, но даже и дочь его, девица 15 лет, удостоилась получить по молитвам нового целителя избавление от своего недуга. Ее лицо стало покрываться неисцелимым струпом. Тогда отец ее, над самим собой недавно испытавший чудесное исцеление при гробе праведного, с твердой верой обратился к сему угоднику. Взяв свое семейство, он отправился в Меркушино и там попросил священника совершить панихиду над гробом праведника. Так как тогда еще не было известно имени сего угодника Божия, то его поминали «именем, егоже Господь весть». После сего болящая обтерла землей с гроба святого свое лицо и получила по молитвам его полное исцеление.

В том же 1694 г. совершилось новое чудо. Верхотурский воевода Иоанн Циклер сам рассказал о сем преосвященному митрополиту Тобольскому Игнатию, который прибыл в Верхотурье для освящения вновь построенного храм во имя Пресвятой Троицы.

Один из его слуг, по имени Петр, объезжал коня. Вдруг конь взбесился, сбросил с себя Петра, раздробил ему на одной ноге кость. Петр даже не мог сам приподняться с земли, нога его сильно распухла. Страдая, он дал обет сходить в село Меркушино, отслужить молебен святому Михаилу Архангелу и отпеть панихиду над гробом нового чудотворца. Но

вследствие сильной боли он не мог отправиться туда пешком. «Посему он обратился ко мне с просьбой, чтобы я позволил ему ехать в Меркушино и дал лошадей, что я и приказал тотчас же исполнить», – рассказывал Циклер митрополиту.

В Меркушине по просьбе Петра сначала отслужили молебен Архистратигу Михаилу, затем панихиду над гробом праведника. Петр взял земли с гроба святого и стал ею растирать ушибленное место. В это время и совершилось чудо по неизреченной милости Божией. Тотчас болезнь Петра прекратилась, опухоль опала, и он стал ходить, как будто никогда и не хворал. Все видевшие это чудо прославили Господа, Его великого Архистратига Михаила и вновь просиявшего праведника.

Вскоре было совершено первое освидетельствование святых мощей праведного. Вышеназванный митрополит Тобольский Игнатий, объезжая епархию, направлялся из Пельми в город Верхотурье, где он намеревался освятить соборный храм. Прибыв в деревню Караульное на расстоянии семь верст от Меркушина, он остановился здесь на некоторое время. Здесь к нему приступил игумен Далматовской обители Исаак и сказал: «Недалеко отсюда стоит село Меркушино с храмом во имя святого Архистратига Михаила; при сей церкви находится выходящий из земли гроб. Не благоизволишь ли, владыка, сам осмотреть сей гроб? Уже немало чудес и знамений совершилось у него».

Но митрополит сам не хотел свидетельствовать гроб, а послал для того в Меркушино Исаака, игумена Далматовского, и вместе с ним ключаря Тобольского собора иерея Иоанна, другого иерея Иоасафа, диакона Петра и иеродиакона Далматовского монастыря Василида. Посланные быстро достигли села Меркушина и приступили к освидетельствованию гробницы с останками праведника. Их взорам представилось все тело праведника: глава, перси, ребра, стан и ноги – все оставалось в целости, кожа словно приросла к костям, только небольшое обратилось в персть. Сие первое освидетельствование последовало 18 декабря 1694 г.

Тем времени и митрополит, выслушав утреннее славословие в Караульном, направился с остальными своими спутниками в село Меркушино, ибо путь в город Верхотурье лежал через это селение. Прибыв в Меркушино, митрополит посетил церковь во имя Архистратига Михаила. Потом он спросил игумена Исаака: открывали ли они гробницу и что в ней обрели? Сам митрополит был в нерешимости и недоумении, когда услышал ответ игумена. Но милосердый Господь вскоре положил предел его колебаниям. В тот же самый день митрополит почувствовал боль в левом глазу. Преосвященный сначала подумал, что болезнь его произошла от зимней стужи и ветра. Но вдруг, словно молния, блеснула у него мысль, что болезнь постигла его за то, что он не хотел сам освидетельствовать мощей праведника. Тогда он стал молиться и звал: «Помилуй мя, Господи, и исцели мое око. И ты, святой праведник, не гневайся на меня. Я обещаю, что после Божественной литургии, если тебе будет угодно, я сам приду к святым мощам твоим и сам воззрю на них». Тотчас же боль утихла, и он опять стал хорошо видеть своими глазами. Согласно со своим обещанием преосвященный после литургии вместе с игуменами, священниками и диаконами отправился к явленному гробу. Раскрыв гроб с подобающим благоговением, он нашел то же, что ему сообщил игумен Исаак: он увидел, что все тело праведника совершенно цело, только не сохранилось перстов на руках. Кости были плотно покрыты плотью, так что исполнилось слово Писания: Прильпе кость моя плоти моей ([Пс.101:6](#)), погребальные же пелены обратились в прах. Тогда исполненный благоговения митрополит провозгласил: «Свидетельствую и я, что воистину это мощи праведного и добродетельного человека; во всем подобны они мощам древних святых. Сей праведник подобен [Алексию, митрополиту Московскому](#), или же Сергию Радонежскому, ибо он сподобился от Бога нетления, подобно сим светильникам веры православной!».

После сего митрополит приказал снова закрыть гроб. И то было удивительно, что самый гроб был новым, хотя, по рассказами местных жителей, он находился в земле уже более пятидесяти лет. Совершив панихиду, его снова засыпали землей на четверть, с произнесением слов: Господня земля и исполнение ея ([Пс.23:1](#)). После сего преосвященный

вышел из часовни к собравшемуся народу и спросил: «Нет ли среди вас человека, который бы помнил, кто погребен на сем месте?»

Из среды народа выступил 70-летний старец Афанасий и сказал: «Никто не помнит имени погребенного здесь праведника, только сохранилось среди нас предание, что у сей церкви первым был погребен какой-то благочестивый и добродетельный муж». Затем он рассказал, что знал о происхождении и подвижнической жизни сего благочестивого мужа. Услышав все сие, митрополит сказал собравшимся: «Чада, молитесь Господу Богу, да откроет Он нам имя праведника, и я, грешный, сам буду молить о том же Господа».

Простясь с народом и преподав ему свое архипастырское благословение, преосвященный отправился в город Верхотурье. По дороге он размышлял обо всем бывшем, думал о том, что если Господь изволил проявить мощи Своего угодника, то Он же откроет и имя, данное сему праведнику при Святом Крещении. Уже десять верст отъехал от села Меркушина преосвященный. Среди своих размышлений он погрузился в дремоту, и внезапно в сонном видении представилось ему множество народа, вопрошающего об имени праведника. В то же самое время преосвященный услышал глас: «Симеоном зовут его». После сего будто кто-то повторил: «Симеоном зовут его». Еще в третий раз кто-то назвал праведника уменьшительным ласкательным именем, как родители называют своих чад.

Великой радостью исполнился тогда преосвященный: он тотчас проснулся и понял, что видение было ему свыше. Объятый удивлением, прибыл преосвященный в Верхотурье, где остановился в Николаевском монастыре. О видении, бывшем ему на пути, он поведал архимандритам Сергию и Александру и игумену Далматовскому Исааку. Слыша рассказ преосвященного, удивились они и сказали, что первое наименование праведника показывает, как следует почитать праведника после кончины, второй возглас обозначает, как звали его при жизни, а наименование праведника ласкательным именем показывает, что так звали его родители. Преосвященный сказал, что и он так думает. После сего они возблагодарили Господа Бога, дивного во святых Своих. С того времени митрополит Тобольский повелел именовать новоявленного угодника Божия Симеоном.

Около того же времени было еще видение иеродиакону Василиду, послушнику вышеназванного Исаака Далматовского. После вечернего правила иеродиакон Василид сидя задремал, и вдруг ему в видении представилось множество народа, спрашивавшего имя новоявленного чудотворца. И раздался голос: «К чему вы много вопрошаете? Уже вам известно, что его зовут Симеон». Проснувшись, иеродиакон озаменовал себя крестным знамением; он понял, что удостоился видения свыше, и рассказал о чудесном сне своем преосвященному Игнатию.

Посетив город Верхотурье и освятив здесь соборный храм 27 декабря 1694 г., митрополит поехал обратно в Тобольск. По дороге он опять заехал в Меркушино. Вместе с ним прибыли сюда верхотурский воевода Циклер, священники, диаконы и большое число верхотурских жителей. В это время священник находившейся там церкви во имя Архистратига Михаила Иоанн рассказал митрополиту, что за день до прибытия преосвященного в Меркушино он после вечернего правила быстро заснул и во сне увидел следующее: гроб с мощами праведника перенесли в церковь, и ему, Иоанну, надлежит совершить литию у сего гроба. Не зная, каким именем следует помянуть усопшего, был он в недоумении, и вдруг послышался ему голос: «Зачем недоумеаешь? Поминай его Симеоном». Когда священник рассказал о сем, оказалось, что видения этого он удостоился в тот же самый вечер, когда иеродиакон Василид тоже узнал через видение во сне об имени праведника.

На другой день митрополит еще раз свидетельствовал святые мощи и с благоговением лобызал их. Еще раз торжественно объявил он всем присутствующим о святых мощах праведного Симеона Верхотурского, и все, воздав благодарение Господу, поклонились мощам новоявленного угодника и стали в сердечном умилении лобызать их. При сем

верхотурский воевода засвидетельствовал, что мощи святого Симеона воистину подобны нетленным мощам Киево-Печерских подвижников.

Сам преосвященный Игнатий возложил на гроб праведного шелковую пелену и приказал сообщать ему все сведения о жизни и чудесах св. Симеона. Впоследствии на основании того, что сам видел и слышал, он составил повесть о явлении честных мощей, о первых чудесах святого и акафист ему.

С того времени все чаще стали подаваться исцеления недугующим по молитвам праведного Симеона. Одно такое исцеление засвидетельствовано тем же митрополитом Игнатием. После посещения Меркушина преосвященный вместе со своими спутниками направился в город Ирбит, где в то время открывалась ярмарка. В сем городе находился некий иеродиакон по имени Савватий. Он сильно тогда страдал зубной болью и изнемогал от страшной ломоты в ногах, так что едва мог ходить, и то лишь с величайшим трудом. Накануне, 12 января, перед днем праздника в честь великомученицы Татианы, вечером, незадолго до всенощного бдения, Савватий заснул и вдруг увидел во сне, будто он, взяв благословение у митрополита, отправился в Меркушино, и вот он стоит в часовне над гробом праведного. Игумен Исаак открыл ему мощи, бросившись ниц перед гробницей, он взывал: «Праведник Божий, святой Симеон, помилуй меня и молитвами твоими исцели мои недуги!» И вдруг он видит: св. Симеон, приподнявшись, сел на гроб, на нем – та самая пелена, которую возложил митрополит Игнатий. И сказал праведный Савватию: «Старче!» Затем, возложив на голову Савватия руку свою, святой вторично сказал ему: «Поди, поди, Савватий». И, обрадованный, он будто направился в церковь Архистратига Михаила и стал рассказывать иерею Тобольского собора Иосифу и иеродиакону Петру о том, как сподобился он увидеть праведника. Тут Савватий проснулся и почувствовал, что недуги его прошли. Тогда он горячо стал благодарить Бога и прославлять праведного Симеона Сибирского. Сие исцеление произошло в Ирбите в то время, когда там собралось много народа. Все удивлялись и благодарили Господа, пославшего людям нового ходатая и молитвенника.

Скоро стало известно о новом чуде. Ключарь соборной сибирской церкви, иерей Иоанн, как выше упомянуто, был послан освидетельствовать мощи праведного вместе с игуменом Исааком. Окончив сие поручение, они вошли в дом священника села Меркушина Иоанна. Ключарь Иоанн, утомленный дорогой, скоро заснул и узрел видение. Снилось ему, будто он находится в церкви святого Архистратига Михаила в Меркушине и посредине церкви стоит гроб с мощами праведного; великое благоухание наполняет храм, подобно тому как это бывает во время каждения по всей церкви; преосвященный Игнатий стоит тут же, и вокруг головы его также носится благоухание. И в изумлении ключарь услышал голос, обращенный к нему: «Что ты так изумляешься сему, зачем ты не веруешь сему? Так прославляет Господь Бог сего праведника, как и Василия».

Св. Симеон даже после своей кончины не давал распространяться в стране своей заблуждениям, противным истинной вере христианской. На другой год после открытия мощей сего праведника, в 1696 г., 14 января, митрополит Игнатий, заботясь о душевном спасении своей паствы, посылает для обозрения епархии иеромонаха Израиля и соборного иеродиакона Никифора (Амвросиева). Они должны были наблюдать, где и как исповедуют истинную веру Христову, вразумлять уклоняющихся и ободрять колеблющихся. Прибыв в Верхотурье, они увидели, что в самом городе, да и в окрестностях его, народ крепко держится православия и живет благочестиво. Им сообщили, что здесь поселились было люди, уклонившиеся от православия, но недолго они прожили в сих местах: одни из них вскоре отказались от своих заблуждений, другие совсем покинули ту местность. Посланные не могли не видеть в сем чудесной помощи свыше; так они и донесли митрополиту Игнатию, и преосвященный также признал в сем явлении особенное благоволение св. Симеона к тем местам.

Вскоре произошло новое чудо. Посланные митрополитом возвращались в Тобольск. Путь их лежал через село Меркушино. Приближаясь к Меркушину, один из посланных –

иеродиакон Никифор (Амвросиев), сидя в саях, стал молиться, чтобы Господь сподобил его достойным образом поклониться мощам Своего славного угодника. В это время он погрузился в легкую дремоту и вдруг видит перед собою мужа в белой одежде, среднего возраста, лет около 25, волосы его были русого цвета. Добрым взглядом он смотрел на Никифора; последний спросил его: «Раб Божий, скажи мне, как тебя зовут?» Тогда явившийся отвечал необыкновенно приятным голосом: «Я Симеон Меркушинский», – и с этими словами стал невидим. Иеродиакон тотчас же проснулся, дрожь объяла его при мысли о видении. Между тем они прибыли в Меркушино. Иеродиакон Никифор с сердечным благоговением и великим страхом поклонился нетленным мощам сего славного угодника Божия, прославил Господа и тут же поведал всем о явлении, бывшем ему во сне.

Один человек, Петр Калинин, с реки Миаса рассказал в Меркушине следующее. В феврале 1700 года он с товарищами своими отправился на рыбную ловлю. Вдруг на них напали татары, схватили их и везли с собою куда-то целых два дня. К вечеру на третий день татары перевязали своих пленников и вскоре заснули крепким сном. Тогда Петр, возложив всю надежду свою на Божие милосердие, стал взывать к праведному Симеону: «Праведник Божий Симеон, помилуй меня и избавь меня от сих иноплемеников!» При этом он дал обещание сходить в Меркушино и совершить панихиду над гробом праведного. Лишь только он дал обещание, тотчас же с рук и ног его спали сами собою крепкие узы, положенные врагами. Возблагодарив горячо Господа за помощь, он взял двух коней и вернулся к себе.

Чем более возрастала молва о святых мощах Симеона, тем более у жителей Верхотурья крепла мысль почтить достойным образом праведника. Посему они вознамерились перенести мощи св. Симеона из села Меркушина в город Верхотурье. В 1702 г. вступил на архипастырский престол новый митрополит Филофей, отличавшийся своей ученостью и ревностным проповеданием истинной веры Христовой. К нему-то и обратились верхотурские жители с просьбой о перенесении мощей св. Симеона. Особенно просили митрополита от лица всех верхотурских жителей воевода Алексей Калетин и таможенный голова Петр Худяков. Митрополит Филофей, и сам питавший к святому чувство глубокого благоговения, охотно дал свое архипастырское благословение и разрешил перенести мощи в Николаевский Верхотурский монастырь.

Когда было получено сие разрешение от преосвященного Филофея, в Меркушино отправился архимандрит Николаевского монастыря Израиль. Это происходило около 1-го числа сентября 1704 г., а перенесение было назначено на 8 сентября. Архимандрит должен был прежде совершить переложение святых мощей в новую раку. Но в то время началась ненастная погода, так что некоторым пришла в голову мысль, благоугодно ли святому сие перенесение мощей из Меркушина. Так думал даже упомянутый Худяков, бывший ходатаем о перенесении их. Но сам св. Симеон разрешил сие недоумение. Худякову во время сна представилось, будто стоит он в меркушинском храме и перед ним – гроб со святыми мощами, перед гробом – архимандрит Израиль со множеством народа. Вдруг от гроба поднялось некое благоухание в виде столба и направилось к городу Верхотурью. Из сего все поняли, что праведному не противно перенесение его честных мощей в Верхотурье. Тогда 8 или 9 сентября было совершено переложение мощей в новую раку. И замечательно, что с сего дня прекратился дождь и наступила тихая хорошая погода. 12 сентября 1704 г. торжественно и с подобающим благоговением было совершено перенесение честных мощей сего славного угодника Божия, который с тех пор стал именоваться Верхотурским. И до сего дня 12/25 сентября совершается торжественное празднование в честь св. Симеона.

По перенесении мощей в город Верхотурье от раки праведного с новой силой стали истекать чудотворения, из которых особенно замечательно следующее. В Верхотурье проживала одна вдова, Параскева Быкова; она сильно страдала болезнью глаз, уже совсем лишилась зрения, не могла даже различать света, кроме того, постоянно чувствовала в глазах нестерпимую боль, так что не могла ни спать, ни есть, ни пить. Никакие средства не приносили ей облегчение. Тогда она стала помышлять, что тщетно искать помощи от

людей, если не будет помощи свыше. Видя такую скорбь сей вдовицы, праведный умилосердился над ней, и 12 сентября 1705 г., когда она погрузилась в дремоту, ей представилось, что она стоит за литургией в церкви свт. Николая, где почивали мощи праведного Симеона, и перед гробницей святого усердно молится о своем исцелении. Вдруг она слышит глас из раки дивного чудотворца: «Обещайся отслужить молебен Господу Богу и праведному Симеону в Николаевском храме и сделай посильное приношение в сей храм». Вдовица обещалась и присовокупила, что ничего не пожалеет для сего приношения. Лишь только она произнесла сие, как уже почувствовала некоторое облегчение, но по слабости своей отложила намерение о молебне угоднику. И вот вскоре она вторично увидела, будто молится в той самой церкви и слышит, как праведный сказал ей: «Что же ты забываешь свое обещание о молебне?» Она тотчас воскликнула: «Виновата я, грешная, пред Богом и тобою, праведниче. Я исполню свое обещание, только умилосердись надо мною и исцели болезнь мою».

Проснувшись, она почувствовала себя еще лучше, телесные силы ее возвратились, только все еще она не могла хорошо смотреть. Но и после сего она почему-то стала откладывать свое обещание. Тогда снова ей было видение, будто она стоит в Николаевском храме; внезапно праведный сел в своей раке и сказал ей: «Не забывай своего обещания отслужить молебен и не откладывай сего на долгое время». Проснувшись, она ясно прозрела. Радуюсь своему исцелению и славя Господа, она поспешила в Николаевский монастырь. По ее просьбе было совершено молебствие у раки предивного угодника Симеона Верхотурского. Тогда же она сделала и пожертвование в сию обитель.

Немало было в то время нестроений в Сибирской стране. Нередко кочевники нападали на селения русские и уводили пленников. В 1709 г. летом башкиры напали на Багарятинскую слободу, разорили ее и взяли в плен местного священника Петра вместе с сыном его Иеремией. Кочевники, связав пленных, в течение трех дней везли их в свои улусы. Прибыв на озеро Чебаркулево, они остановились на ночлег. Истомленный страхом и тягостным путешествием священник быстро впал в сон, и вдруг ему явилась Пресвятая Богородица и повелела, чтобы он для освобождения от плена обещал поклониться в Верхотурье мощам праведного Симеона и сходил бы в село Нироб для поклонения иконе святителя и чудотворца Николая. Священник пробудился, пораженный таким явлением, и с великой благодарностью стал молиться Господу Богу и Его Пречистой Матери, а также возносил свои моления славному чудотворцу Симеону и дал обет исполнить все, что повелела ему Пресвятая Богородица. Между тем при наступлении ночи враги еще сильнее затянули веревки, которыми были связаны пленники. Но вдруг ременные путы на пленниках ослабевают и спадают с них сами собою. Освобожденные таким дивным образом священник вместе со своим сыном скрываются сначала в тростнике, который рос по берегам озера, потом вступают в самую воду по шею, чтобы враги не могли их заметить, и так освобождаются от плена. После сего они отправились на поклонение к образу Николая Чудотворца, от всего сердца благодарили Бога и Пресвятую Богородицу и прославляли праведного Симеона Верхотурского.

В 1711 г., в апреле месяце, один монастырский старец по имени Иаков внимательно слушал Божественную литургию и старался отрешиться мыслью от всего земного. Тихо стоял он в молитвенном умилении. Вдруг при возгласе «Со страхом Божиим и верою приступите» он упал ниц и лежал долгое время без чувств, когда же он пришел в себя, то рассказал следующее.

При взгляде на образ Пресвятой Богородицы, именуемый «Одигитрия», его вдруг объял страх. Что с ним дальше было – он не помнит, лишь помнит только одно, как предстал перед ним праведный Симеон и, прикоснувшись к нему, сказал: «Встань, поди и объяви всем, чтобы воздерживались от сквернословия и слов бранных, иначе Господь пошлет на людей и на скот их голод и мор. Пусть все усердно молятся Господу, Его Пречистой Матери и всем святым, пусть весь народ служит молебное пение об отвращении гнева Божия». Кроме того, праведный Симеон приказал Иакову рассказать о сем архимандриту и воеводе, дабы

люди раскаялись в своих прегрешениях и молились бы об избавлении от праведного гнева Божия, что и было исполнено всеми с величайшим усердием.

Праведный Симеон являлся безвозмездным целителем даже таких людей, которые не ведали и не слышали об его прославлении. Так, в 1749 г. один крестьянин, Василий Масленников, был чудесно избавлен праведным от тяжкого и продолжительного недуга. Он жил в Новянском заводе и еще с самого раннего детства был научен некоторыми людьми, уклонившимися от Церкви, изображать на себе крестное знамение двумя перстами. Однажды он сразу впал в тяжелую болезнь; члены его расслабли так, что он не мог владеть правой рукою, не мог говорить. В таком болезненном состоянии он пробыл целых три года. И вот во время сна пред ним предстал какой-то муж средних лет в белой одежде с русыми волосами и необыкновенным видом. Явившийся спросил Василия: «Хочешь ли быть здоровым?» Болящий пришел в величайшее изумление и отвечал: «Да, я, господин, желаю того. Но кто ты и почему так заботаешься обо мне?» «Я Симеон Верхотурский, – отвечствовал ему муж в светлом одеянии, – немедленно ступай в Верхотурский Николаевский монастырь, помолись с верою Господу Богу, попроси совершить молебное пение перед находящимися там мощами – и будешь здоров. Крестное же знамение изображай на себе во образ Святой Троицы не двумя, а тремя перстами». Больной дал обещание. Проснувшись на другой день, он почувствовал себя совершенно здоровым. Тотчас он рассказал всем о чудесном своем исцелении и вскоре отправился в Верхотурье, за двести верст от того завода, где он жил, и здесь исполнил все, что повелел сей славный чудотворец и защитник православия в стране Сибирской.

По просьбе некоторых почитателей св. Симеона в 1763 г. было произведено новое освидетельствование святых мощей его. Производившие осмотр с немалым усердием и великим старанием собирали все сведения как о житии праведного, так и о посмертных чудесах, истекавших в разное время от нетленных мощей сего угодника Божия.

Между тем чудесные исцеления все продолжали истекать от гроба праведного Симеона, как бы некий водный поток, никогда не иссякающий. Из многих чудес, бывших в то время, особенно замечательно одно – исцеление казака Феодора Кайдалова, проживавшего в городе Сургутском Тобольской епархии. О сем сам исцелевший рассказывал следующее.

«Случилось мне, – говорил он, в 1790 г., в день Рождества Христова, быть в доме двоюродного моего брата, священника Иоанна Иоанновича Кайдалова. Тут я узнал, что у брата его есть порох, и просил принести его сколько-нибудь. Брат согласился и принес в мешке двадцать фунтов пороха. Этот мешок с порохом положен был среди комнаты на полу. Мне вздумалось попробовать бывшее со мною ружье. Зарядив его тем порохом, я едва спустил курок, чтобы выстрелить, как искра от кремня в курке нечаянно упала в тот мешок. От того последовал ужасный взрыв, которым сбросило потолок со всего дома, хозяина оглушило и опалило, а у меня, так как я стоял еще ближе к мешку, все платье и тело обгорело так, что по местам обнаружались кости. С течением времени тело мое покрылось ранами и стало гнить, а в ранах завелись черви и все более и более грызли мое тело. В таком болезненном состоянии в ночь на 1-го января я имел утешительное видение. Некий старец благообразного вида советовал мне идти поклониться святым мощам праведного Симеона, обещая, что сей угодник Божий подаст мне исцеление. С того времени я постоянно имел в мыслях праведного Симеона и положил неперменное намерение с искренним обетом – съездить в Верхотурье помолиться праведному при раке и святых мощах его. Исполнение обета имело спасительное для меня действие, и через полтора месяца я совершенно исцелился».

Благоговейное уважение к праведному, озаряющему своими чудесами Сибирскую страну, все возрастало и увеличивалось. Супруги Турчаниновы в 1798 г. соорудили новую медную раку для мощей святого угодника Божия, а в 1808 г. в селе Меркушине была воздвигнута одним верхотурским жителем каменная гробница вместо прежней деревянной. Она была сооружена над самой могилой праведного, из коей истекает источник воды, не повреждающейся в сосудах, хотя бы и долго приходилось ей стоять. И до сего времени

поклоняющиеся мощам праведного Симеона посещают и сие место, берут с собой воды из источника. По усердной молитве и призывании имени св. Симеона часто от сей воды подаются верующим различные исцеления недугов душевных и телесных.

Особенно замечательно одно чудо праведного Симеона, который быстро наказывает людей, недугующих неверием, но быстро и помогает им, если они раскаялись и от всего сердца обратились с молитвой к ходатайству его. Одна женщина, Ксения Феодорова, – это было в начале XIX столетия в Верхотурье, – взошла в Николаевский храм, где почивали мощи праведника, но сделала сие не по искреннему расположению сердца, а скорее из любопытства. В то время в храме была одна знатная женщина, по просьбе которой были совершенно открыты святые мощи праведного Симеона. Враг рода человеческого всегда старается уловить в свои коварные сети слабых и колеблющихся; сей древний завистник людей вложил Ксении в сердце сомнение. При виде обнаженных мощей она не только не воздала достойного поклонения им, но даже возгнушалась ими и небрежно удалилась из храма. Не успела она пройти и одной версты от города (она хотела возвратиться на место своего жительства), как вдруг поднялся страшный вихрь. Ветер поднял громадный столб пыли и мелкого песка, и вся эта пыль обрушилась на Ксению и совершенно засорила ей глаза. От песка она не могла видеть света, стала протирать глаза – но все было тщетно. Она было закричала спутницам, но те за свистом ветра не слышали ее. Тогда она поняла, что Господь наказал ее за сомнение. Она стала призывать имя праведного Симеона, и он тотчас же помог ей: к ней подошла одна спутница. Ксения попросила ее, чтобы она проводила ее к мощам угодника Божия Симеона. Дорогой она все время молилась и просила, чтобы Господь простил ей прегрешение. Придя в храм с твердой надеждой на облегчение, Ксения не обманулась в своем ожидании. Лишь только приложилась она к святым мощам, тотчас прозрела. Праведный Симеон избавил ее от недуга и вместе с тем от ее губельного сомнения. Так много значит «молитва праведнаго поспешествуема» ([Иак.5:16](#)).

После бывшего еще раз в 1825 г. освидетельствования мощей праведного Симеона последовали еще новые чудеса, из которых примечательно одно, происшедшее в 1828 г. Осенью сего года в октябре одному из работавших на Кыновском заводе Агапию Рачеву нужно было сходить в дом, находившийся за заводским прудом. В это время по случаю сильных дождей были открыты на плотине шлюзы, а для пешеходов было перекинуто несколько досок. Рачев благополучно переправился. Но в доме он просидел до вечера, так что ему пришлось возвращаться в сумерки. Дойдя до плотины, он начал выбирать место для перехода. Введенный в заблуждение сильным шумом и оглушительным гулом падавшей вниз воды он удалился от того места, где был переход, и, думая скорее пройти плотину, ускорил шаг и вдруг упал в одно из самых опасных мест перед плотиной, где было более трех саженей глубины. Известно, что при открытых шлюзах вода со страшной силой напирала на проходы. Около одного такого прохода и упал в воду Рачев. Опасность была велика; казалось, ничто уже более не могло спасти упавшего. Неудержимым напором воды его уносило в проход – ему предстояла верная гибель. Находясь в таком отчаянном положении, Агапий стал призывать на помощь свт. Николая и праведного Симеона, и молитва его была услышана. Внезапно, сам не зная каким образом, он почувствовал, что в руках у него очутилась одна из балок, которые поддерживали мост. Ободренный, он громко стал звать на помощь, но никто не являлся. Долго он кричал, наконец стал изнемогать силами. Балка, за которую он держался, была толста, к тому же она осклизла. От холодной воды руки его стали коченеть. Еще несколько минут – и он должен был выпустить балку и погрузиться в воду. Тогда он опять стал внутренне молиться и дал обещание сходить в Верхотурье на поклонение святым мощам праведного Симеона. Угодник Божий, заступник находящихся в бедах и скорбях, помощник всех призывающих его, немедленно оказал Агапию свою чудную помощь. Вдруг прибежал народ, и вытащили утопающего. Велико было удивление всех, когда Агапий рассказал, как он спасся от верной смерти покровительством праведного Симеона.

Спустя шесть лет, именно в 1834 году, сей славный угодник Божий дивным образом исцелил от тяжкой болезни сына того же Агапия – Матфея Рачева. Явившись болящему во время забытья, праведный Симеон напомнил Матфею, что у него есть неисполненное еще обещание – сходить на поклонение в Верхотурский монастырь, после чего болящий вскоре поправился и исполнил свое обещание.

Не одни жители Западной Сибири получали по молитвам святого различную помощь. И за пределами Западной Сибири святой Симеон дивным образом проявлял силу, дарованную ему Всеблагим и Всемогущим Господом. Так, в 1844 г. произошло исцеление в Петербурге одной женщины, Авдотьи Парфеньевой.

Много и других чудотворений было совершено по молитвам сего святого угодника Божия. Всем призывающим его с верою подается заступление, от огня спасение, болящим – исцеление, глухим – слух, немым – разрешение уст, плененным – освобождение. И доныне продолжают истекать различные чудеса от мощей сего славного угодника Божия по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава, хвала и благодарение во веки. Аминь.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-simeon-verhoturskij-merkushinskij>

Память святого отца нашего Савина, епископа Кипрского

Сей преподобной происходил из страны Финикийской¹ и родился в городе Ликий, где был крещен и принял монашество святой Епифаний². Когда Бог прославил Епифания, то жители Ликии послали за ним пользовавшегося у них известностью мужа, чтобы поставить его епископом своего города. В то время вместе с этим мужем пришел к Епифанию и Савин и, отрeksiсь от мира, остался с Епифанием и принял иночество. После сего он ушел с Епифанием в пустыню и пробыл там вместе с ним пять лет. Он написал житие преподобного, где описал его всенощные молитвенные бдения, усердные земные поклоны и чудеса, которые совершил чрез него Господь. Когда святой Епифаний был епископом на острове Кипре³, то пожелал рукоположить Савина в сан пресвитера, но он не соглашался на это. Тогда преподобной ввел его в церковь и сказал ему:

- Стань здесь и стой неподвижно.

Он стал, при чем ноги его были как бы пригвождёнными к земле, и святой Епифаний рукоположил его во пресвитера. После смерти Епифания Савин стал преемником его, заняв епископскую кафедру в том же городе Констанции⁴, где был епископом и Епифаний. Совершив множество достойных памяти чудес, защитив церковь свою от еретиков и благочестиво проведши жизнь, святой Савин отошел ко Господу⁵.

1 Финикия расположена была вдоль берегов Средиземного моря между Палестиной и древним Сирийским государством. Начало христианства в Финикии относят ко времени Апостолов.

2 Память святого Епифания празднуется в этот же день.

3 Остров Кипр находится в Средиземном море близ берегов древней Финикии. Христианство было насаждено на нем святым Апостолом Павлом в первое его благовестническое путешествие.

4 Город Саламин, где был епископом святой Епифаний, иначе назывался Констанцией Кипрской. Он расположен у самого моря на восточном берегу острова.

5 Святой Савин скончался около половины V в.

Память святого отца нашего Полувия, епископа Ринокирского

Преподобный отец наш Полувий был учеником святого Епифания. Он сопровождал своего учителя тогда, когда он плыл на корабле, возвращаясь из города Константинополя. В то время святой Епифаний сказал ему:

- Чадо Полувий! Вот я отхожу уже из этой жизни; исполни же мою заповедь, иди в Египет, ибо и после смерти моей я буду заботиться о тебе.

И когда святой Епифаний скончался, то Полувий, не дождавшись его погребения, так как тело его не было погребено десять дней, отправился по его завещанию в Египет, и там встретил его начальник города Ринокира¹ и спросил его:

- Откуда ты идешь?

- Из Кипра, отвечал Полувий, ибо я был учеником Епифания, архиепископа кипрского, который отошел уже ко Господу.

Градоправитель Ринокира сильно был опечален смертью преподобного и, пригласив святого Полувия к себе, поставил его епископом в своем городе. За свою добродетельную и непорочную жизнь святой Полувий удостоился дара чудотворений. Так, молитвою он низвел дождь с неба и умножил тем плоды на нивах. Достигнув глубокой старости, он отошел ко Господу².

1 Город Ринокир находился в горной части Фиваидской пустыни в верхнем (южном) Египте.

2 Святой Полувий скончался в V веке.

Мученик Иоанн Влах (Валах), Румынский

Святой мученик Иоанн Влах, или Валах («Румын»), жил в XVII в. Он был родом из Валахской области Олтении.

Однажды валахский господарь (властитель) Михня Водэ решил перебить всех турок, находившихся на территории Валахии в отместку за учиненные в его стране беззакония и грабежи. Собрав войско, он исполнил свое заветное желание.

Узнав о таком поступке своего вассала, разгневанный турецкий султан поднялся войною на Валахское господарство. Османы опустошили всю страну и увели в плен около 50 тысяч румын, среди которых был и 15-летний Иоанн, о котором пишет в своих повествованиях о мучениках некий чиновник Константинопольского патриархата Иоанн Кариофил.

Молодой румын был красивым и умным, глубоко верующим. Турки разделили между собой узников. Иоанн попал в руки одного жестокого и злободейного воина. Помимо тяжелой дороги, голода, усталости, пленные претерпевали избиения и всякого рода надругательства.

Будучи принуждаем турком к содомскому греху, блаженный Иоанн воспротивился, исповедуя, что является христианином и ненавидит нечистые похоти язычников. Исполнившись ненависти, турок хотел применить насилие, однако молодой христианин, утвержденный ревностью по Христе, ударил нечестивца, который тотчас скончался.

Соратники убиенного, схватив Иоанна, надели на него железные оковы, в которых Иоанну пришлось добираться до Константинополя несколько месяцев.

В Константинополе турки отдали юного исповедника в рабство жене убиенного им воина. Эта женщина, пленившись красотой Иоанна, соблазняла его и склоняла к принятию ислама, убеждая отречься от веры во Христа.

Тогда блаженный Иоанн, помолившись со слезами Спасителю и Его Пречистой Матери, ответил:

– Я верую в истинного Бога и желаю отдать свою жизнь за Христа более, нежели принять ваше заблуждение и жениться на тебе!

Его бросили в тюрьму, где много дней подвергали ужасным истязаниям и многочисленным пыткам. Бесстыдная женщина несколько раз приходила и снова повторяла свое предложение. Но верный раб Христов и исповедник целомудрия доблестно сопротивлялся всем нападкам как боли, так и сладострастия, остался непоколебимым в вере и был приговорен к смерти.

29 апреля/12 мая 1662 г. визирь приказал городскому префекту казнить его. Он был повешен турками в Константинополе. Исповедник Христов Иоанн Румын принял свой нетленный мученический венец, предав душу свою в руки Господа нашего Иисуса Христа, Которого он с ранних лет возлюбил всем сердцем своим.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-ioann-vlah-valah-rumynskij>